

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМ. А.И. ГЕРЦЕНА
ВОЛХОВСКИЙ ФИЛИАЛ

СОЦИУМ. СОЗНАНИЕ. ЯЗЫК

**Материалы первого и третьего заседаний
научно-теоретического семинара**

Волхов

2011

Печатается по решению Ученого совета Волховского филиала РГПУ им. А.И. Герцена

Сборник включает в себя материалы первого и третьего заседаний междисциплинарного научно-теоретического семинара «Социум. Сознание Язык» - «Знак и символ в философии культуры и лингвистике» и «Текст и контекст». В поле зрения участников семинара находятся такие широко обсуждаемые проблемы как знаковость и символичность, текстуальность, контекстуальность и интертекстуальность.

Для студентов, аспирантов, преподавателей, научных работников и всех, интересующихся проблемами гуманитарных наук.

СОДЕРЖАНИЕ

Знак и символ в философии культуры и лингвистике (по трудам Э. Кассирера и М.В. Никитина) (материалы первого научно-теоретического семинара «Социум. Сознание. Язык»)

Фомин А.П. Э. Кассирер в поисках смыслов.....	4
Филиппова С.Г. Знак и текст в семиотическом и лингвистическом аспектах.....	9
Текст и контекст (материалы третьего научно-теоретического семинара «Социум. Сознание. Язык»)	
Филиппова С.Г. Вступительное слово.....	15
Фомин А.П. Критический взгляд на позицию автора доклада «Медиареальность: основные проблемы» (по материалам второго семинара «Модусы реальности»).....	16
Филиппова С.Г. Художественный текст и виртуальная реальность (по материалам второго семинара «Модусы реальности»).....	17
Голоднов А.В. Репрезентация объекта оценки в тексте современной немецкоязычной проповеди (аспект персуазивного воздействия)	19
Дешеулина Л.Н. Социальные различия языковых вариантов.....	25
Фрайман В.Е. К определению понятия художественного текста.....	29
Костарева Н.Л. Понятие о сверхтексте и локальном тексте в современном литературоведении.....	33
Матвеева Н.А. Образование и воспитание в этнокультурном контексте.....	36
Рогожникова В.Н.Смысловой контекст мистических текстов.....	43
Филиппова С.Г. Интертекстуальность в смысловой организации художественного текста.....	46
Фомин А.П. Проблема контекстуальности в науке, религии и искусстве.....	52
Болотина Ю.П. Сохранение национальной культурной специфики в тексте прямой межкультурной коммуникации.....	56

ЗНАК И СИМВОЛ В ФИЛОСОФИИ КУЛЬТУРЫ И ЛИНГВИСТИКЕ

(по трудам Э. Кассирера и М.В. Никитина)

Материалы первого заседания научно-теоретического семинара

«Социум. Сознание. Язык»

А.П.ФОМИН

ЭРНСТ КАССИРЕР В ПОИСКАХ СМЫСЛОВ

В своей вступительной статье к избранным трудам В. фон Гумбольдта Г.В. Рамишвили подчеркивал, что тезис немецкого просветителя об «языковом мировидении», согласно которому слова разных языков – это не различные звуковые обозначения одного и того же предмета, а «различные видения» этого предмета, и по сей день является источником многих недоразумений, хотя «с чисто эмпирической точки зрения содержит довольно простую мысль: *различие языков не сводится к одному лишь звуковому фактору...*», а суть языка не сводится к его инструментальной функции. Мы, таким образом, имеем в качестве особой реальности «исторически закрепленную в языке систему значений, посредством которой (а не непосредственно) и происходит «преобразование» внеязыковой действительности в объекты сознания» [См.: 6]. Другими словами, «язык есть не ряд готовых этикеток к заранее данным предметам, не их простое озвончение, а промежуточная реальность, сообщающая не о том, как называются предметы, а, скорее, о том, как они нам даны».

Этим цитированием нам хотелось бы начать статью, во-первых, потому, что она задает базовый ориентир для нашего научного семинара под общим названием «СОЦИУМ. СОЗНАНИЕ. ЯЗЫК». И именно эпоха Просвещения, конкретно – немецкое просвещение в лице Гердера и Гумбольдта, положили начало проблематике, обозначенной этим названием. Во-вторых, потому, что в приведенных цитатах обозначена, на наш взгляд, самая противоречивая суть проблемы языка. Наконец, в-третьих, приведенные отрывки напрямую перекликается с темой сегодняшнего семинара – «Знак и символ в философии культуры и лингвистике».

Итак, если «язык есть не ряд готовых этикеток к заранее данным предметам, а промежуточная реальность, сообщающая не о том, как называются предметы, а, скорее, о том, как они нам даны», то встает сразу два вопроса: «Как же они (предметы, реальность) нам даны?» и «Кому они даны?». То есть – фундаментальные вопросы философской гносеологии: Что и как дано в процессе познания? и Кто – субъект познания?

Очевидно, что такие вопросы невозможно решать внутри языкознания – это междисциплинарная проблема, требующая философской методологии, то есть философского видения проблем лингвистом и языкового видения проблем философом.

Сегодняшнему семинару была предпослана глава из книги немецкого философа Эрнста Кассирера «Философия символических форм» (1923-1929) [8.С.151-160], которая называется «Символическое запечатление». Кассирер взят как пример

философа, не избегающего междисциплинарности, а эта небольшая глава взята потому, что наглядно демонстрирует те затруднения, с которыми сталкивается и которые преодолевает Кассирер.

С проблемой трактовки знака (используя фразеологию второго нашего автора, чья работа также была предпослана семинару, М.В.Никитина – «знака и значения») мы столкнулись при изучении феномена и понятия социальной реальности и культуры [См.:17]. Логика научного исследования была такова: общественное сознание – культура – массовая культура – «информационное общество» (как очередная современная идеологема, но не объективная реальность) – информация (как суррогат знания) – знак. Промежуточным результатом исследования стало очередное доказательство непродуктивности создания теории знака на базе психологии [См., напр.: 18]. Дело в том, что такой подход неизбежно превращает самого человеческого индивида в информационную систему, что принципиально не верно и никак не согласуется с отечественной психологической школой. На что, кстати, косвенно обращает внимание и М.В. Никитин. На базе философского подхода попытка создания знаковой теории оказывается более продуктивной, о чем свидетельствует опыт Э. Кассирера.

В главе «Символическое запечатление» Кассирер сразу же формулирует проблему: «...как могло бы отдельное “впечатление” *передавать* какое бы то ни было значение, если бы в нем уже не было “заложено” само это значение?» [8.С.153] – спрашивает он. Оказываясь от – сенсуалистического решения, идущего еще от Локка, как от ничего не объясняющего, он обращается к Канту с его трансцендентностью. Но и у Канта он не находит объяснения. По-прежнему не ясно «Как из лишнего значения *существования* происходит нечто *значимое*, как из “сырого материала” ощущения – чего-то принципиально чуждого значению, – происходит смысл» [8.С.154], поскольку Кант, как известно, субъективист и прямо заявляет, что смыслы суть произведения нашего индивидуально сознания. И не ясно остается, зачем нашему разуму согласно трансцендентным принципам структурировать наш опыт и придавать ему смысл, если объективная реальность не существует («вещь-в-себе»).

Кассирер ищет выход у Brentano, который видит суть психического в интенциональности («направленности на объект», «имманентной предметности»). То есть предмет, по Brentano, вместе со смыслами существует в ментальности воспринимающего субъекта. Но удивительным образом Кассирер, зашоренный психологическим индивидуализмом, дальше не идет. Он не задает вопрос – откуда берется эта интенциональность, эта направленность на объект. Вместо этого он ищет ответ у Husserl, который различает в потоке феноменологического бытия «вещественный» и «ноэтический» слои. «К последнему относятся все чисто функциональные проблемы, то есть подлинные проблемы сознания и смысла. Ведь “иметь смысл” или “обозначать” нечто суть фундаментальные характеристики всякого сознания, являющегося не переживанием вообще, а осмысленным, “ноэтическим” переживанием» [8.С.156]. Круг, казалось бы, замкнулся, но философ все же находит выход, который и дал ему возможность создания особой теории культуры.

Кассирер видит выход из методологического тупика в СИМВОЛЕ, «символическом запечатлении». Надо особо подчеркнуть, что Кассирер использует понятие «символ», а не понятие «знак». «Символический процесс, пишет он, является как бы единым потоком жизни и мышления, пронизывающим сознание и создающим своим течением многообразие и связь сознания – его полноту, непрерывность и постоянство» [8.С.160].

Вспомним, что эстетическая трактовка символа, идущая своими корнями в античность, прозвучала хорошо у Шеллинга, который первым разграничил *символ*, *аллегория* и *схему* как три разных способа изображения. Согласно Шеллингу, **символ есть синтез** аллегории и схематизма, где ни общее не обозначает особенного, ни особенное не обозначает общего, но где и то и другое абсолютно едины. Само бытие возможности «не аллегорично и не схематично, оно есть

абсолютная неразличимость того и другого – символическое» [20.С.109,111]. Символ есть целое, которое непеременно с помощью других знаковых систем, поэтому исследователи видели специфику символа в *единстве явления и значения*.

Таким образом, с позиций эстетики символ есть «совпадение явления и идеи», а все искусство – символично. Именно поэтому сторонники эстетической трактовки символа считают, вслед за Шеллингом, искусство высшей формой культуры. Эта тенденция эстетизации отразилась и в трактовке символа С.С. Аверинцевым, согласно которой символ: «1) В науке (логике, математике и др.) – то же, что *знак*, 2) В искусстве – универсальная эстетическая категория...» [1.С.608]. В цитируемой статье используется греческое слово *сυμβολον* – знак, и вовсе не говорится, что *сυμβολλειν* по-гречески – «сводить воедино». У Шеллинга это было ближе к истине. Однако Аверинцев не зря предостерегает от крайности индивидуализма в трактовке символа: «Истолкование символа есть диалогическая форма знания: смысл символа реально существует только внутри человеческого общения, вне которого можно наблюдать только пустую форму символа. “Диалог”, в котором осуществляется постижение символа, может быть нарушен в результате ложной позиции истолкователя. Такую опасность представляет собой субъективный интуитивизм, [не о грядущем ли постмодернизме писал Аверинцев в 1983 году?] со своим “вчувствованием” как бы вламывающийся внутрь символа, позволяющий себе говорить за него и тем самым превращающий диалог в монолог. Противоположная крайность – поверхностный рационализм, в погоне за мнимой объективностью и четкостью “окончательного истолкования”, устраняющий диалогический момент и тем утрачивающий суть символа» [1.С.607].

У Э. Кассирера символ – «репрезентант множества», посредством которого фиксируется совокупность «возможных моментов содержания», благодаря чему «само это содержание приобретает новое состояние и новую длительность» [9.С.204]. Символизация, говорит он, характерна отнюдь не только для науки, где научное понятие – кирпичик научного языка, она характерна для всех форм духовного творчества. Человек благодаря способности к символизации «между системой рецепторов и эффекторов» имеет третье звено – символическую систему. Но именно поэтому он живет «в новом измерении реальности». Человек живет теперь не только в физическом универсуме, но и в символическом универсуме, теперь мы должны, говорит Кассирер, определить человека не как *animal rationale*, а как ***animal symbolicum*** [10.С.28].

Как отмечает В.А.Сулимов, взаимодействие культуры, языкового сознания и текстов культуры приводит к развитию «особой вмещающей функции языка, которая охватывает не только процесс накопления языком смыслов (когнитивная функция языка), не столько включения языковых смыслов в культуру в качестве артефактов (кумулятивная функция языка), но и включения систем сознания, языка и культуры в единое... пространство», которое автор называет «языковым континуумом» [См.:12].

М.В.Никитин возражает против расширительных претензий семиотики, «экспансии» семиотики, которая, по его словам, заявляет свои права на психологию, психопатологию и психоанализ, на идеологию и пр., приводя в пример отрицательный опыт графа Альфреда Кожибского. Вообще влияние сознания на язык и речь всерьез изучаются давно, по крайней мере, с И.Г. Гердера, а вот влияние языка на сознание стало изучаться только в XX веке. Одной из первых попыток и стала книга А. Кожибского «Наука и здоровье» (1941) [23], в которой автор, анализируя политико-идеологическую пропагандистскую практику СССР и фашистской Германии, выдвигал перед общей семантикой, новой тогда наукой, задачу изучения «живых реакций людей» на «нейролингвистическую среду как среду», на «семантическое поле», создаваемое пропагандой. И хотя сама книга и «антропологическая» теория культуры Кожибского были подвергнуты справедливой критике рядом авторов [См., напр.:24], а его стремление доказать, что слова вообще не связаны с вещами и, следовательно, смыслы слов, являясь плодом нашей фантазии, полностью в нашей власти, А. Шафф назвал «шаманским

фокусом» [См.:19], однако трудно не согласиться с утверждением, что в далекой от научности работе польского автора поднята серьезная проблема будущего, значение которой становится ясно нам только сегодня. Проблема эта – **проблема манипуляции сознанием**, которая так тщательно сегодня затушевывается, маскируется теорией «информационного общества», тесно связанной с различными теориями знака.

Действительно ли информация как таковая, то есть, иначе говоря, поток бессмысленных знаков (ибо смыслы в информацию вкладываем мы), сегодня играет такую огромную роль? Автор реального определения понятия «информационное общество» в современной энциклопедии «Глобалистика», описывая некоторую социальную реальность, пишет: «Интернет обретает статус второй, информационной реальности, в которой человечество сможет обитать и проявлять себя во многих сферах более эффективно, чем в физической реальности, например, в государственной, образовательной, медицинской, научной, производственной, коммерческой, коммуникационной, творческой и большом количестве других», люди в таком обществе будут взаимодействовать друг с другом в рамках «глобального информационно-культурного пространства Сети... Поэтому мощь государства в информационном обществе будет определяться прежде всего уровнем развития культуры. Уже появляется новый вид культуры – сетевой, в рамках которой зарождаются и развиваются многие направления – виртуальная коммуникация, виртуальная наука, виртуальное образование, виртуальное искусство, виртуальная литература, виртуальный бизнес, виртуальная политика и т.п.» [22]. И это действительно реальность!¹

Однако, такое определение «информационного общества» вызывает, как минимум, три возражения. Во-первых, до полного охвата сетью Интернета всего населения Земли или даже значительной его части еще очень и очень далеко. Во-вторых, прогнозы для стран, охваченных сетью, вовсе не так однозначны. И, в-третьих, самое главное, роль информации в современном обществе, по логике сторонников этого определения, такова, что под ее влиянием меняется сущность человека, который в этом случае становится всего лишь «коммуникатором». Так ли это? Действительно ли информация имеет сегодня столь парадигмальный статус?

Отражением этих сомнений, как нам кажется, и стало номинальное определение в упоминаемой энциклопедии: «Информационное общество – социологическая и футурологическая концепция, считающая главным фактором общественного развития производство и использование научно-технической и др. информации. Концепция информационного общества является разновидностью теории *постиндустриального общества*, основу которой заложили З. Бжезинский, Д. Белл, А. Тоффлер. Кроме термина “информационное общество” разные авторы используют различные наименования: “просвещенное общество” (К. Флекснер), “общество риска” (У. Бек), “посткапиталистическое общество” (П. Друкер), “открытое общество” (Дж. Сорос) и др.» [7]. Все эти концепции появились в 70-80-е годы, когда социальная реальность перестала укладываться в старые объяснительные схемы. Так А. Тоффлер считает, что вслед за первой («аграрной») и второй («индустриальной») волнами глобальных технических изменений следует третья – «информационная» [См.:13].

¹ ВИРУ - это *Всемирный Информационно-Распределенный Университет Международной Академии информатизации*. В документах этой структуры читаем: «Материалы диссертации или ее основные научные результаты должны быть опубликованы в научных изданиях МАИ или в системе ВИРУ. Заседание экзаменационного и докторского комитета считается правомочным, если в его работе принимают участие не менее 4 членов комитета. Решение докторского комитета по присуждению ученой степени и присвоению ученого звания считается положительным, если за него открытым голосованием проголосовали все члены комитета, присутствующие на заседании. Решение о присуждении ученой степени доктора философии, доктора в различных в различных областях науки и техники и гранд доктора философии и о присвоении ученого звания ассистента профессора и полного профессора вступают в силу с даты принятия решения докторским комитетом».

Так что же такое «информационное общество» – теоретическая концепция, культурно-политический проект или объективная социальная реальность? Для ответа на этот вопрос необходимо разобраться, что такое *информация*? И определяющим, существенным, на наш взгляд, является различие информации от *знания*?

Атрибутивный подход к категории «информации», который предполагает, что информационность есть атрибут материи, представляется нам наиболее адекватным. Такой подход мы встречаем у ряда авторов [См.: 4,11,14,21]. «Информационная причинность» может быть рассмотрена как «особая форма каузальной связи, отличающаяся от других форм именно тем, что она состоит не в детерминации вещества или энергии, а в детерминации структурных отношений» [См.5,15]. Но если для простых, физических процессов хватает непосредственной передачи информации, изоморфной даже, то для более сложных систем – биологических, психических и социальных – **необходим посредник**, каковым и является ЗНАК. Вот тогда-то понятие «информации» и вводится в семантику.

Информационные цепи ненадежны, ибо, чем длиннее цепь, тем больше искажение информации; в этом смысле передача информации с помощью знаков надежнее. Но в этом случае механизм передачи информации кардинально меняется: знак становится «пусковым толчком», ключом для запуска реакции, «априори» заложенной в «приемнике», а структура сигналов, знаков уже никак не связана ни с «передатчиком», ни с «приемником». Так рождается виртуальная реальность, и притом вовсе не исключительно в компьютерных сетях, как это принято считать сегодня; компьютерные сети явились не более как современной формой виртуализации [См.16].

Между тем существенное отличие знания от информации как раз и состоит в том, что **знание есть социальный феномен**. Если информацию можно считать формой связи в материальном мире, то знание – это форма существования СО-знания. Таким образом, существенным здесь является нагруженность знания СМЫСЛАМИ, то есть существенная связь знания с мышлением, на которое способен только человек. Это существенное отличие знания от информации имплицитно присутствует в символической концепции культуры Кассирера, где понятие «**символа**» онтологизируется и является по сути оппозиционным понятию «знака».

Разведя, таким образом, понятия «информации» и «знания», необходимо отметить, что если в отношении знаний мы можем сказать: «Чем больше индивид знает, тем лучше», то в отношении информации сказать «Чем больше информации “вмещает” индивидуальное сознание, тем лучше» мы не можем, поскольку для обработки информации требуется совсем другая «система» – компьютер. Мозг человека приспособлен природой скорее для «переработки» знаний, а не для переработки информации. Такая патология, как шизофрения, хорошо это показывает: при шизофрении главным симптомом, наряду с гигантской работой интеллекта «внутри себя», является утеря связи личности большого с социальной реальностью, как объективной, так и субъективной. Поэтому, в принципе, нет знаний абсолютно разрушающих; если перед нами действительно знание, то оно будет усвоено, интериоризировано, вплетено в субъективную реальность здорового человека с созидательной интенцией. К сожалению, мы не можем того же сказать об информации: она может быть для здоровой психики и созидающей и разрушающей, как и ее количество, переходя барьер восприятия и усвоения, разрушает индивидуальное, а сегодня уже и общественное сознание.

Заглавие статьи Никитина «Соотношение знака и значения» не случайно: суть – в соотношении субъективной и объективной реальности. На эту проблему – смешивания и различения субъективной и объективной реальности – философы обращали внимание постоянно и постоянно отслеживали ее. И в этом была важнейшая функция философии вообще, то есть не какой-то философской школы конкретно, будь то материализм или идеализм, а той специфической формы интеллектуальной деятельности, которую мы называем философией, имея

в виду ее принципиальную многошкольность. Лингвистическая философия представляется нам одной из попыток удержать под контролем эту проблему (соотношения субъективной и объективной реальности) в XX веке. Искоренение метафизики состояло в том, чтобы доказать, что «метафизические» предложения возникают в том случае, если некоторые стандартные языковые структуры принимаются за выражение структуры самой реальности и служат основой для выводов о «мире, как он есть». Граф Кожибский увидел в этой проблеме другую сторону, столь актуальную сегодня: проблема состоит не в том, что мы не верно, искаженно представляем реальность («симулякризация»); искаженное представление реальности было и раньше. Проблема в том, что появились вполне осязаемые возможности создавать эту искаженную реальность массовым тиражом, создавая совершенно искусственные миры и совершенно искусственное сознание. Частным примером виртуализации сознания в литературе является замена научной фантастики новым жанром фэнтэзи.

Впрочем, об этой тенденции писал уже Жан Бодрийар, характеризуя США как «Гениальный универсум, появившийся благодаря неудержимому развитию равенства, пошлости и незначимости» [З. С.166] и как «оргию свободы, безразличия, отрыва, выставления напоказ и движения», когда «жизнь – это кино». Пытаясь быть объективным и беспристрастным, автор добавляет: «Дело в том, что определенная пошлость, определенная вульгарность, которые нам кажутся неприемлемыми здесь, в Европе, в Америке более чем приемлемы – они зачаровывают» [З.С.180]. Но как-то сразу это очарование ассоциируется с очарованием и радостью, силой и бодростью тела и духа искусства немецкого Рейха, когда элита с помощью изощренной пропаганды намеренно формировала плебейско-жизнерадостное, свободное от рефлексии и морали отношение к жизни. Современными отечественными исследователями отмечается та же тенденция «плебсизации» масс.

Таким образом, попытки философа Кассирера выйти за рамки кантианства хотя бы в пространство неокантианства имели своим результатом создание символической концепции культуры, которую сегодня весьма полезно иметь в виду при анализе современных тенденций симулякризации и виртуализации сознания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверинцев С.С. Символ. Философский энциклопедический словарь. М., 1983.
2. Белл Д. Социальные рамки информационного общества. М.,1979.
3. Бодрийар Ж. Америка. СПб.,2000. Любопытно, что Бодрийар, характеризуя США, проводит параллель с другим «тоталитарным» обществом: «Калифорния утвердилась как мировое пространство симулякра и неаутентичности: как абсолютный синтез cool [крутой] сталинизма» [С.181].
4. Бродский Н.И. Причинность и информация // Вестник Ленинградского университета. Серия экономики, философии и права. 1963. №17, вып.3.
5. Винер Н. Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине. 2-е изд. М., 1968.
6. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию: Пер. с нем. / Общ. ред. Г.В. Рамишвили; Послесл. А.В. Гулыги и В.А. Звегинцева. М.: ОАО ИГ «Прогресс», 2000.
7. Иоселиани А.Д. Информационное общество // Глобалистика. Энциклопедия. М.,2003.
8. Кассирер Э. Философия символических форм. Феноменология познания. Том 3. М.,- СПб., 2002.
9. Кассирер Э. Философия символических форм // Антология культурологической мысли. Авторы-составители С.П. Мамонтов, А.С. Мамонтов. М.,1996.
10. Кассирер Э. Опыт о человеке: Введение в философию человеческой культуры. Что такое человек? // Проблема человека в западной философии. М.,1988.

11. Свидерский В.И.,Зобов Р.А.Новые философские аспекты элементарно-структурных отношений. Л.,1970.
12. Сулимов В.А. Философия и логика русского языкового континуума. М., 2005.
13. Тоффлер А. Третья волна. М.,1980.
14. Тюхтин В.С.О природе образа (Психическое отражение в свете идей кибернетики).М.,1963.
15. Украинцев Б.С. Самоуправляемые системы и причинность. М., 1972.
16. Фомин А.П. Виртуализация социальной реальности в современном мире // «Известия РГПУ им. А.И. Герцена» №10(56). 2008.
17. Фомин А.П. Педагогическое сознание в условиях виртуализации социальной реальности. Монография. СПб., 2009.
18. Чертов Л.Ф. Знаковость: опыт теоретического синтеза идей о знаковом способе информационной связи. СПб., СПбГУ, 1993. Автор предпринимает попытку создать очередную теорию знака на базе психологии, анализируя индивидуальные способности мышления и индивидуального сознания, неправомерно, на наш взгляд, ссылаясь при этом на отечественных Выготского, Леонтьева, Гальперина, Лурия, Рубинштейна.
19. Шафф А. Введение в семантику.М.,1963.
20. Шеллинг Ф.В.Й. Философия искусства. М., 1966.
21. Штофф В.А. Моделирование и философия. М., Л., 1966.
22. Юхвид А.В. Информационное общество // Глобалистика. Энциклопедия. М., 2003.
23. Korzybski A. Science and Sanity. Lancaster (Rens), 1941.
24. Rapoport A. What is Semantics?//Language, Meaning and Maturity. N.-Y., 1954.

ФИЛИПОВА С.Г.

ЗНАК И ТЕКСТ В СЕМИОТИЧЕСКОМ И ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТАХ

Разграничение знака и значения не только семиотическая, но и лингвистическая проблема, поскольку естественные языки представляют собой знаковые системы. Ряд работ М.В. Никитина посвящен соотношению знака и значения, суть которого сводится к утверждению о том, что «нет знака без значения, но обратное неверно» [11, с. 16]. Проблема, таким образом, касается возможности или невозможности отождествления понятий «знак» и «значение».

Никитин подвергает критике экспансию семиотики, заявляющей свои права на разнообразные области научного знания, поскольку все явления перекаатегоризируются семиотикой как означаемые и означающие. Усматривать знаковость в природе множества разнородных явлений позволяет расширительное толкование знака, предложенное американским логиком и философом Ч. Пирсом [11, с. 16].

В силу сложности и неоднозначности понятий знака и знаковости, подходы к данному явлению варьируются. В целом, можно говорить о существовании широкой и узкой трактовки знака, которые также условно можно называть «семиотической» и «лингвистической», поскольку семиотика отдает предпочтение широкой концепции, а лингвистика – узкой.

Следует, таким образом, для начала проанализировать и сравнить два подхода.

Широкая (расширенная) интерпретация знака, согласно классической схеме Ч. Пирса, позволяет выделять три класса знаков:

1. Знаки-иконы (демонстрируют отношения фактического подобия между означаемым и означающим). Иллюстрациями знака-иконы может служить любое изображение, а также нерасчленимый образ «девушка-серна», существовавший на Древнем Востоке. Иконированные знаки составляют основу создания образов, в частности, метафор.

2. Знаки-индексы (демонстрируют отношения фактической смежности между означаемым и означающим). Примером индексированного знака является «красный закат», означающий ветреную погоду. Индексированные знаки также составляют основу создания образов, в частности, метонимий.

3. Знаки-символы (демонстрируют отношения конвенциональности между означаемым и означающим). Таким знаком является лингвистический знак.

В отличие от индекса или иконы, не способных передавать информацию не зависимо от своих объектов, символ условен. Это позволяет видеть в нем особый вид знака. По сути, три класса знаков (по Пирсу) можно сгруппировать по-иному и выделить два вида – условные (конвенциональные) и не условные (не конвенциональные).

Принципиальное различие между этими двумя классами и анализирует М.В.Никитин. «В целом есть два рода значимых ситуаций - импликационные (инференционные) и семиотические. Феномен значения присутствует и в тех и в других, т.е. и те, и другие являются значимыми, однако знаковыми являются только вторые. Экстенционально знак и значение - понятия не равнообъемные. Нет знака без значения, но обратное неверно» [11, с. 16]. В случае импликационных ситуаций интерпретатор импликационно на основе одного события или сущности (вещи или признака) заключает о другом и настраивает свое сознание на наличие этого последнего. При этом причины означают следствия, а следствия, поскольку они также вызывают в сознании мысль о вызывающих их причинах, означают причины.

В ситуациях такого типа наличествует феномен значения, ибо значение вообще это информационная зависимость двух концептов, когда один из них актуализирует в сознании другой и настраивает последнее на тип второй как информационно важный. Значение являет себя повсюду и ежечасно в деятельности, поведении и реакциях живых систем. Однако знаковая ситуация – ситуация семиотическая, основанная на условных символах.

Такая постановка вопроса и отличает широкий подход от лингвистического, который сужает знак до условного.

В пользу принадлежности к знаку только конвенционального (условного) знака М.В.Никитин приводит ряд аргументов, которые позволяют ему выявить категориальные признаки знака. Это способность формирования абстрактно-обобщающего сознания; коммуникативная функция и качество интенциональности.

Способность формирования абстрактно-обобщающего сознания вырывает человека из плена животного сознания, конкретного практического сознания сиюминутного типа и поднимают его на уровень сознания понятийного. «Знаки - это тот дополнительный уровень вспомогательных единиц в сознании, посредством которых в памяти отстаиваются представления о содержательно тождественных представлениях, которые отрабатываются и фиксируются сознанием как понятия».

Коммуникативная функция знаков делает их средством выражения и сообщения связанных с ними значений, ибо семиотическое значение есть ничто иное как концепт, связанный знаком. Тем самым знак безмерно расширяет границы сознания: он делает индивидуальное знание общественным достоянием, а общие знания о мире посредством знаков неизмеримо пополняют багаж индивидуального сознания. Кроме того, знак и язык как

система знаков стимулируют развитие воображения и переводят его на креативный уровень, т. е. на уровень сотворения мнимых ментальных миров - уровень замыслов и планирования, фантазий, создания мифологий и идеологий и т. д.

Интенциональность знака проявляется в его использовании в качестве средства достижения целей отправителя, как выражение его коммуникативной интенции. Позиция отправителя в коммуникативном семиотическом акте не менее, если не более, существенна, чем позиция получателя. Человек осваивает язык не столько из «диалогов с природой», сколько из потребности и необходимости взаимодействия с людьми [11, с. 16-19].

Тем не менее, условный знак не ограничивается знаком лингвистическим. Изучение различных знаковых систем – основная задача семиотики. Безусловным достижением семиотики представляется семиотическая теория культуры, основным постулатом которой выступает положение о культуре как системе знаков. В качестве примеров знаковых систем, при помощи которых осуществляется кодирование феноменов культуры и хранение знаний человека о мире, описываются, например, язык математики, нотная запись.

Большой вклад в семиотическую теорию культуры внес Ю.М. Лотман. Искусство как основная составляющая культуры, считает Лотман, может быть описано как некоторый вторичный язык, вторичная моделирующая система, строящаяся, как и все семиотические системы, по типу языка [9, с. 16].

Ю.М. Лотман вводит понятие семиосферы как единого семиотического пространства, присущего данной культуре. Язык способен функционировать только в силу погруженности в это пространство и взаимодействия с ним. Семиосфера – результат и условие развития культуры, эволюция которой коренным образом отличается от биологической эволюции. Произведения искусства, относящиеся к ушедшим в прошлое эпохам культуры, не «вымирают», а продолжают активно участвовать в её развитии как живые факторы. Список произведений, написанных в этом году, замечает Ю.М. Лотман, не совпадёт со списком того, что читалось в этом же году. И трудно сказать, какой из списков более характеризовал бы синхронное состояние культуры [10, с. 4-22].

Семиотическая теория культуры явилась причиной экстраполяции термина «текст» на различные объекты действительности. Тезис о культуре как тексте вытекает из положения о культуре как знаковом образовании. Текст понимается при этом как «сообщение в любом, необязательно вербальном коде, служащее для передачи и хранения информации и порождения новых смыслов» [1, с. 14-15].

Современная семиотика рассматривает культуру не только как текст, но и как интертекст, опираясь при этом на теорию интертекстуальности. В течение нескольких десятилетий сложный феномен интертекстуальности привлекает внимание ученых из разных областей, выступая предметом традиционных научных дискуссий и стимулируя зарождение новых идей. Под термином «интертекстуальность» понимают межтекстовые связи, в результате которых формируются новые смыслы текста, включение в текст других текстов с иным субъектом речи – «чужого слова». «Интертекстуальность - это слагаемое широкого родового понятия, так сказать интер...альности, имеющего в виду, что смысл художественного произведения полностью или частично формируется посредством ссылки на иной текст, который отыскивается в творчестве того же автора, в смежном искусстве, в смежном дискурсе или в предшествующей литературе» [13, с. 11]. Межтекстовые связи привлекают внимание ученых благодаря тому, что они основываются на непрерывной сущности историко-литературного процесса. Интертекстуальность включает текст в культурный контекст, т.е. представляет собой единую цепь культурного общения человечества, звеньями которой оказываются отдельные тексты [2, с. 356].

Теория интертекстуальности основывается на идее М.М. Бахтина о диалогическом характере художественного текста и шире – диалогическом характере человеческого понимания. Слово, по Бахтину, двухголосо, межиндивидуально. Всё сказанное не принадлежит исключительно говорящему. Права на слово есть не только у автора и слушающего, но и у тех, «чьи голоса звучат в преднайдённом автором слове. Слово – это драма, в которой участвуют три персонажа» [5, с. 317]. У слова всегда есть настоящее (автор), прошлое (предшественники) и будущее (читатель). «Даже прошлые, - пишет М.М. Бахтин, - т.е. рожденные в диалоге прошедших веков, смыслы никогда не могут быть стабильными (раз и навсегда завершёнными, конечными) – они всегда будут меняться (обновляться) в процессе последующего, будущего развития диалога. В любой момент развития диалога существуют огромные, неограниченные массы забытых смыслов, но в определенные моменты дальнейшего развития диалога, по ходу его, они снова вспомнятся и оживут в обновленном (в новом контексте) виде» [4, с. 373].

Следует заметить, что еще до Бахтина А.Н. Веселовский в своей «поэтике сюжетов» указывал на схематичность сюжетов и устойчивость мотивов в процессе исторического развития литературы. Повторяемость и общность мотивов и сюжетов объяснялись единством психологических процессов человека и историческими влияниями народов друг на друга. Обновлению старых унаследованных сюжетов, по его словам, способствуют новые ощущения, «взволновавшие народное чувство» [6, с. 300-305]. Однако термин «интертекстуальность» был предложен одним из ведущих теоретиков постструктурализма Ю. Кристевой только в 1967 г.

В теории интертекстуальности, подобно теории текста и знака, прослеживаются семиотический и лингвистический подходы. Семиотический подход к интертекстуальности расширяет бахтинскую трактовку диалогичности, ограниченную вербализованным диалогом, и заставляет осмысливать интертекстуальность в широком семиотическом смысле.

Интертекстуальность характерна для различных форм искусства, включая изобразительное искусство, кинематограф, архитектуру и др., что дает основание семиотикам рассматривать ее как универсальный семиотический закон [12, с. 11]. Иногда для такого понимания интертекстуальности используются понятия «интермедиальность» или «интерсемиотичность». В отличие от собственно интертекстуальности, подразумевающей в качестве включений другие вербальные тексты, интермедиальность (интерсемиотичность) обнаруживает источники заимствований в других семиотических системах [7, с. 5].

Однако экстраполяции термина «текст» на любые объекты действительности, основанные на широкой трактовке знака по Пирсу превращает мир в текст, а сознание субъекта, находящегося внутри текста, неизбежно предстает некой суммой текстов. Под текстом понимается все, что порождает и воспринимает человек [12, с. 22].

Теоретики постструктурализма и деконструктивизма (поздний Р. Барт, М. Фуко, Ж. Деррида) отождествляют сознание человека с письменным текстом как единственным достоверным способом его фиксации, и, в конечном счете, всё рассматривают как текст и интертекст: литературу, культуру, историю и самого человека [8, с. 5]. «Каждый текст, - пишет Р. Барт, - является интертекстом; другие тексты присутствуют в нём на различных уровнях в более или менее узнаваемых формах: тексты предшествующей культуры и тексты окружающей культуры. Каждый текст представляет собой новую ткань, сотканную из старых цитат» [3, с. 417-418].

В пылу борьбы со «структурными подходами к тексту» эстетика постмодернизма гипертрофировала понятие текста. Мысль обратилась к языку интуитивно-метафорических многозначных понятий и предпочла их строгим определениям формальной логики [3, с. 9]. «Текст предстал как историко-культурная парадигма, «транссемиотический универсум,

вбирающий в себя все смысловые системы и культурные коды как в синхроническом, так и в диахроническом аспекте, а интертекстуальность - как теория безграничного бесконечного текста, интертекстуального в каждом своем фрагменте» [14, с. 14]. Радикальная концепция интертекстуальности растворяет сами понятия текста и текстуальности, подвергая сомнению их самоценность и целостность, и, таким образом, лишает лингвистику ее исследовательских задач. Именно в этом транссемиотическая теория расходится с положениями М.М. Бахтина. Однако если отвлечься от крайностей постструктурализма, трудно отрицать, что в большой степени его заслугой являются современные взгляды на текст как на генератор смыслов и изучение механизмов смыслопорождения.

Возвращаясь к теории знака, играющую столь значительную роль в развитии семиотики и лингвистики, следует подчеркнуть, что широкая и узкая трактовки знаковости не исключают друг друга, т.к. можно выявить точки их пересечения и взаимопроникаемости. Во-первых, взгляды семиотиков и лингвистов в целом совпадают, когда речь идет о модели знака. И тех и других интересует связь между символом (означающим) и интерпретантой (означаемым). Во-вторых, трактовка знака неизбежно относительна. Важнейшая черта семиотической классификации Пирса – относительность иерархии основных классов знаков. В основе их разделения лежит не наличие или отсутствие подобия или смежности между означающим и означаемым, не фактически условный или исключительно условный характер связи между ними, а лишь преобладание одного из факторов над другими. На знаковой шкале, возможны промежуточные случаи, пишет М.В. Никитин и относит словесные знаки к прототипическим [11, с. 19]. Но и среди словесных знаков возможны пограничные случаи. Так, указывается на иконическую природу звукоподражательных слов и звукового символизма [15, с. 35]. В-третьих, в лингвистике расширенная модель знака используется при описании знаковой природы художественного текста, поскольку в нем слово-знак, не переставая быть частью системы, обрастает новыми контекстуальными значениями, «семантическими призвуками». Знаки первых двух типов по Пирсу проявляются в художественной образности. Так, моделями икон могут служить перцептуальные образы – «отпечатки реальности», и «собственно образы» - тропы, которые в качестве означающего носят выраженный подражательный характер. Модель индекса – детали, факультативные, но участвующие в создании парадигматических связей художественного текста и указывающие на текстовый концепт [15, с. 35].

В заключение отметим, что предмет семиотики - теория знаков и знаковых систем – достаточно широк и недостаточно изучен. При этом лингвистика оставалась и остается на своих позициях, т. к. объекты лингвистического исследования – естественный язык как знаковая система и текст как знак – довольно конкретны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арнольд И.В. Проблемы диалогизма, интертекстуальности и герменевтики. (Лекции к спецкурсу). СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, Образование, 1997.
2. Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. СПб.: Изд-во СПб ун-та, 1999.
3. Барт Р. Избранные труды: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1994.
4. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Советская Россия, 1979.
5. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986.
6. Веселовский А.Н. Историческая поэтика. М.: Высшая школа, 1989.
7. Воскресенская Е.Г. Интертекстуальные включения в произведениях И. Во. Автореф. дисс... канд. филол. наук. Барнаул, 2004.

8. Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М.: Интрада, 1996.
9. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970.
10. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров: Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1996
11. Никитин М.В. О соотношении знака и значения // Язык. Текст. Культура. СПб.: 2007 – с. 15-23.
12. Петрова Н.В. Интертекстуальность как общий механизм текстообразования англо-американского короткого рассказа. Иркутск: ИГЛУ, 2004.
13. Смирнов И.П. Порождение интертекста. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1995.
14. Чернявская В.Е. Интертекстуальность как текстообразующая категория в научной коммуникации. Автореф. дисс...докт. филол. наук. СПб., 2000.
15. Щирова И.А. Психологический текст: деталь и образ. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2003.

ТЕКСТ И КОНТЕКСТ

Материалы третьего заседания научно-теоретического семинара

«Социум. Сознание. Язык»

ФИЛИППОВА С.Г.

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Работа научно-теоретического семинара «Социум. Сознание. Язык» организована совместно кафедрами гуманитарных дисциплин и иностранных языков Волховского филиала РГПУ им. А.И. Герцена. В прошлом, 2010 г., состоялось два семинара, в которых участвовали преподаватели и аспиранты филиала, РГПУ им. А.И. Герцена и МГУ.

Семинар создавался как междисциплинарный, и следует констатировать, что в его работе приняли и принимают сегодня участие специалисты различных гуманитарных наук – философы, филологи, культурологи, педагоги и психологи. Хочется отметить, что междисциплинарная направленность семинара придает ему особый статус, т.к. целью его работы является поиск и установление точек соприкосновения и взаимопонимания различных областей гуманитарного знания. Сегодня наука развивается в поле междисциплинарности. Об этом свидетельствуют не только появление междисциплинарных наук и проектов, но и интерес ученых к научным проблемам, существующим на стыке нескольких отраслей знаний.

Важнейшим результатом работы нашего семинара должно стать формирование научной коммуникативной среды, предполагающей диалог в широком понимании этого слова. Именно поэтому мы приветствуем мировоззренческие дискуссии, критические выступления и оппонирование.

Следует отметить, что в 2011 г. семинар вошел в список запланированных научных мероприятий РГПУ им. А.И. Герцена, и, следовательно, хочется надеяться, что он будет работать как постоянный. Задачей семинара является и вовлечение специалистов из других вузов, так чтобы он носил не узко межкафедральный, а межвузовский характер. Так, сегодня участниками семинара станут наши коллеги из Выборгского филиала РГПУ, что, безусловно, поспособствует нашему сотрудничеству в научной сфере.

Недавно опубликованные материалы предыдущего семинара на тему «Модусы реальности», проходившего в октябре прошлого года, включили в себя статьи выступлений докладчиков, фрагменты обсуждений и критические выступления по материалам первого семинара «Знак и символ в философии культуры и лингвистике». Представляется, что такая форма публикации отличается от традиционной своей диалогичностью, поскольку отражает дискуссионный характер проблем обсуждения и устанавливает взаимосвязь с темой предыдущего семинара. Надеемся, что эта публикация вызовет интерес не только у преподавателей и аспирантов, но и у студентов.

Тема настоящего, третьего, семинара - «Текст и контекст» - предполагает обсуждение таких проблем как языковая деятельность и ее социальный контекст, текст и его смысловая организация, текст и дискурс, культура как контекст языка, медиареальность в формировании социальных контекстов, рациональное и иррациональное в контекстуальности и др. Так же как и

на предыдущих семинарах, у нас есть возможность озвучивать, сравнивать и обсуждать понятия и концепции, связанные одной проблематикой и изучаемые в различных научных сферах исследований.

Напоминаем, что в материалах семинара публикуются только те выступления, которые обсуждались на заседании, включая дискуссию в виде вопросов, ответов и комментариев, т.е. материалы печатаются в форме стенограммы.

ФОМИН А.П.

КРИТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА ПОЗИЦИЮ АВТОРА ДОКЛАДА

«МЕДИАРЕАЛЬНОСТЬ: ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ»

(по материалам семинара «Модусы реальности»)

В своем докладе Варвара Николаевна отмечает: «в этом контексте философское познание медиареальности предполагает постановку актуальной проблемы воздействия результатов высоких технологий, науки и техники, то есть медиального пространства, на человека». Очень правильная постановка проблемы.

Но для того, чтобы понять воздействие какого-либо феномена на человека, необходимо правильно понимать сущность как человека, так и феномена. Правильно докладчик подчеркивает, что понятие «медиа» в современных общественных науках рассматривается как неоднозначное, неопределенное. Некоторые авторы вместо данного термина употребляют понятие «средство коммуникации» (М. Маклюэн), «проводник» (П. А. Сорокин), «медиальные средства» или «медиальность» (И. П. Смирнов). Интересно, что неопределенность понятия «медиа» некоторыми мыслителями связывается с сущностью этого явления. Мы, вместе с докладчиком, будем придерживаться значения понятия «медиа» как «посредник».

Но далее, идя вслед за Бодрийяром, автор доклада исходит из посылки, что медиа, «посредник» существовал всегда. «Исследования по вопросу истории медиа», - пишет она, - «показывают, что медиа является древнейшей формой взаимодействия человека и мира, самопознания человека. Ранними медиа можно назвать ритуал, а затем и книгу». Нам представляется, что это смазывает существенные особенности сегодняшней медиа-реальности настолько, что сущность явления вообще теряется. Примерно так поступают некоторые в отношении глобализма: глобализм, де, всегда был. Приводя в пример Алескандра Македонского, пытавшегося завоевать ойкумену. Но это – замазывание существенных особенностей современности. Если мы на первый план ставим сходство современности с другими эпохами, то как мы познаем особенное?

Далее автор пишет: «Классическая картина мира с начала XIX века постепенно меняется в сторону того, что мы называем “современность” и “постсовременность”. Сущность этой перемены обозначается в философии как переориентация философского внимания с познаваемого объекта на познающий субъект». Одним из «поворотов» к новому способу познания и самопознания выступает, отмечает она, иконический, или пикториальный поворот, «при котором онтологическая проблематика переводится в план анализа визуальных образов». Таким образом, заключает докладчик, в центр практик миро- и самопонимания человека становится образ. То есть сущность человека сводится к конкретно-образному мышлению.

Однако, возразим мы, известно, что в культуре, философии XIX века существовала и противоположная тенденция – рационализм и абстрагирование. Например, позитивизм и неопозитивизм, имеющий своим предметом понятия науки, то есть понятия абстрактные и очень далекие от «визуальных образов» и «иконического поворота». И если мы считаем, что тенденции современности – в трансформации сознания в сторону образов, правополушарного воображения, то это – новое Средневековье. Не приходится ли здесь говорить о том, что внедряется определенная парадигма – образности и правополушарности взамен абстрактности и научности?

И подтверждение этой гипотезы мы находим у докладчика: «Отличие современности заключается в том, что сегодня воображение работает с образами, получившими онтологическую самостоятельность. “Современный” образ перестал быть “мостиком” между человеком и миром, средством понимания и объяснения мира и человека». В результате «Продуктом такого творчества является конструкт реальности, вернее, бесконечное множество таких конструктов». Но тогда куда ведет мостик-образ? К пониманию мира, а куда? В фантастическую реальность, псевдореальность, квазиреальность. То есть в небытие.

ФИЛИППОВА С.Г.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ И ВИРТУАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

(по материалам семинара «Модусы реальности»)

На предыдущем семинаре рассматривались вопросы реальности, а именно речь шла о понятиях объективной и субъективной реальности в философии, межкультурной и педагогической реальностей, медийной и виртуальной реальностей.

Хотелось бы поделиться размышлениями о возможности рассмотрения существования художественного текста как виртуальной реальности. Эту проблему анализирует С.О. Туманов в статье «Вовлеченность в виртуальную реальность». Кроме того, понятие и аспекты рассмотрения виртуальной реальности убедительно и подробно изложил А.П. Фомин в своем докладе «Философская категория реальности: современные аспекты».

В самом общем понимании, виртуальная реальность представляется как категория философского знания, отражающая порожденную систему отношений между различными объектами [4; 39].

Интерес к проблеме виртуальной реальности в современных исследованиях, на наш взгляд, связан не только с развитием компьютерных технологий, но и с выдвижением на первый план «антропоцентрической» парадигмы знаний, предполагающей человека и его сознание главным объектом исследований. Сосредоточим проблемы реальности, - пишет А.П. Фомин, - является человеческая реальность, из которой следуют все другие проблемы - проблема противопоставления возможности и действительности и проблема соотношения объективной и субъективной реальности [5; 11].

Справедливо замечено, что под виртуальной реальностью сегодня в основном понимают реальность медийную, реальность электронных средств коммуникаций, компьютерных технологий. Однако, понятие это глубже и шире общепринятого. В частности, оно приложимо и

к лингвистике текста, особенно, если речь идет о когнитивно-коммуникативной природе художественного текста.

Так, характеристики художественного текста соответствуют перечисленным в работе С.О. Туманова критериям виртуальной реальности, к которым относятся: 1) порожденность; 2) актуальность; 3) автономность; 4) интерактивность [4; 40].

Проанализируем коротко каждый из этих критериев относительно художественного текста.

Художественный текст как порожденная на основе другой (вторичная) реальность порождается психикой человека – как адресанта (автора), так и адресата (читателя). Речь идет, однако, не о художественном тексте как объекте реальной действительности, а о его смысловой организации. Сознание автора порождает смыслы, которые согласно авторским намерениям создать продукт (текст) с целью передачи информации реализуются в тексте как языковом знаке. В процессе порождения виртуальной реальности художественного текста участвует и читатель, воспринимающий текст и воссоздающий текстовые смыслы в своем сопереживающем и конситуативном сознании. Виртуальная реальность художественного текста, следовательно, не сам текст, а порождаемая и воссозданная (вторично порождаемая) психикой человека картина, основанная на авторских фантазиях, воспоминаниях и размышлениях и актуализированная в сознании читателя текстовыми знаками. Виртуальность художественного текста как порожденная реальность, предполагает, таким образом, как минимум две не абсолютно совпадающие виртуальные реальности.

Актуальность как критерий виртуальной реальности подразумевает ее существование только «здесь и теперь», пока активна порождающая реальность. Предметный мир художественного текста не существует до возникновения текста, он появляется симультанно с возникновением текста [2; 4-8]).

Художественный текст, а точнее его содержание, смыслы существуют только в процессе порождения и восприятия. Актуальность художественного текста, таким образом, соотносится с его дискурсивными характеристиками. Речь здесь идет о различении текста и дискурса, где первый, согласно Х. Хаберланду, - предмет, который может находиться в различных местах в различное время, а дискурс – событие, которое может быть только здесь и сейчас [цит. по: 1; 191]. Другими словами, дискурс – результат возникновения мысли (замысла высказывания, интенции) или контакта с текстом как материальным объектом. Понятие дискурса как психического процесса, таким образом, ближе всего к понятию виртуальной реальности.

Автономность художественного текста предполагает существование в нем особого художественного времени и пространства (художественного хронотопа) и своих художественных законов существования.

Наконец, интерактивность художественного текста как возможность взаимодействовать с другими реальностями, в том числе и порождающей, отражается в такой текстовой характеристике как смысловая открытость. Сложно организованная структура художественного текста позволяет актуализировать намного больший объем информации, чем средства элементарной собственно языковой структуры. Художественный текст часто концентрирует большую информацию на «площади» небольшого текста и «выдает разным читателям» различную информацию – каждому в меру его понимания. Ю.М. Лотман пишет в этой связи: «Текст дает читателю язык, на котором можно усвоить следующую порцию сведений при повторном чтении, и ведет себя как «живой организм», находящийся в обратной связи с читателем и обучающий этого читателя» [3; 29-33].

Английский термин *virtual* по данным словарей означает «так близок к настоящему, что в некоторых случаях, с определенной целью, может рассматриваться как настоящий» [6] или «фактический, но открыто таковым не считается и не называется» [7]. Такое понимание виртуальной реальности вполне соотносится с пониманием, предлагаемым А.П. Фоминым, как «возможности, готовой стать действительностью при определенных условиях» [5; 12]. Между тем, очевидно, что термины «художественный» как «вымышленный» и «виртуальный» как «почти настоящий» не тождественны, а скорее антонимичны. Следовательно, виртуальная реальность художественного текста находится в зависимости от того, насколько художественный мир воспринимается как настоящий.

Представляется, что данную проблему можно рассматривать на фоне психологического феномена «вовлеченность в виртуальную реальность», о котором пишет С.О. Туманов [4; 41]. Вовлеченность в виртуальную реальность – это психическое состояние человека, отражающее меру отождествления себя с тем или иным процессом. Вовлеченность в реальность художественного текста не является новой проблемой. Известно, что эмоционально-эстетический потенциал художественного текста может заставить читателя сопереживать, сочувствовать, наслаждаться, отождествлять себя с автором, рассказчиком, героем. Чтение художественной литературы – процесс интерактивный, вызывающий эмоции, оценки и рефлексии. Вспомним слова Пушкина – «над вымыслом слезами обольюсь». Что касается автора художественного текста, как порождающего субъекта, то его эмпатия, т.е. способность представить себя на месте другого человека и понять его чувства, желания, идеи и поступки, определяет литературную коммуникацию.

В связи с этим, хотелось бы отметить, что вовлеченность в виртуальную реальность не такой социально опасный феномен, как принято сегодня считать, учитывая то допущение, что чтение книг также предполагает такую вовлеченность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архипов И.К. Язык и языковая личность. СПб.: 2008
2. Кухаренко В.А. Интерпретация текста. М.: 1988
3. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. М.: 1970
4. Туманов С.О. Вовлеченность в виртуальную реальность // Социум. Сознание. Язык: материалы второго научно-теоретического семинара на тему «Модусы реальности». СПб.: 2011
5. Фомин А.П. Философская категория реальности: современные аспекты // Социум. Сознание. Язык: материалы второго научно-теоретического семинара на тему «Модусы реальности». СПб.: 2011
6. Collins English Learner's Dictionary. Harper Collins Publishers. The University of Birmingham, 2004.
7. Oxford Dictionary of Current English. Словарь современного английского языка / А.С. Хорнби при участии К. Руз. М.: 1984.

Вопрос А.В. Голоднова: Как соотносятся понятие «виртуальная реальность художественного текста» и понятие «ментальный мир»?

Ответ С.Г. Филипповой: Понятие ментального мира можно считать идентичным понятию картины мира – существующей в сознании концептуальной системы, результатом реализации которой может быть текст. Виртуальную реальность художественного текста следует понимать как актуализацию реализованного ментального мира, т.е. его моделирование сознанием.

ГОЛОДНОВ А.В.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБЪЕКТА ОЦЕНКИ В ТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ ПРОПОВЕДИ (АСПЕКТ ПЕРСУАЗИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ)

Проповедь является одним из жанров религиозного дискурса - полижанрового социо-функционального дискурса, существующего в рамках института церкви.

Полижанровость религиозного дискурса обусловлена дифференциацией его основной цели – приобщение человека к Богу. В.И. Карасик относит к важнейшим целям религиозного общения следующие: «1) получить поддержку от Бога, 2) очистить душу, 3) призвать ближних к вере и покаянию, 4) утвердить верующих в вере и добродетели; 5) разъяснить вероучение, 6) осознать через ритуал свою принадлежность к той или иной конфессии» [4; 226].

В современной проповеди призыв ближних к вере и добродетели на основе разъяснения тех или иных положений вероучения (цели 2,3,4 по В.И. Карасику) часто переходит в призыв к совершению определенного действия, соответствующего основным постулатам и моральным нормам вероучения. Другими словами, в религиозном дискурсе осуществляется персуазивное воздействие на реципиента.

Персуазивное воздействие определяется как преимущественно вербальное воздействие адресанта на ментальную сферу реципиента, направленное на побуждение реципиента - посредством рационального убеждения и эмоционального «обольщения» - к совершению / отказу от совершения определенного посткоммуникативного действия в интересах адресанта.

В рамках коммуникативно-функционального подхода к тексту проповедь рассматривается как «речь, произносимая, как правило, в церкви священнослужителем (адресантом) перед общиной (адресатом) по определенному поводу с целью оказания религиозно мотивированного воздействия на адресата» [1; 6].

Проповедь образует основу персуазивного сегмента религиозного дискурса. Под **персуазивным сегментом религиозного дискурса** мы понимаем социо-коммуникативную сферу, в которой с персуазивной целью осуществляется передача религиозно-назидательного сообщения от адресанта к реципиенту посредством систематизированных языковых и неязыковых (например, паралингвистических) средств, образующих текст проповеди. Персуазивный сегмент религиозного дискурса также рассматривается как совокупность текстовых моделей и реальных текстов, реализующих персуазивную дискурсивную практику в религиозной сфере.

Непосредственным адресантом проповеди является конкретно-индивидуальный моноадресант – проповедник, который в ситуации религиозного сакрального общения выступает

в качестве «субъекта-инструмента» [2; 216], посредника-интерпретатора божественного текста. Проповедь — это текст «второго порядка», слово наставника по поводу слова Бога [5; 205]. Для верующих людей - реципиентов проповеди главным адресантом проповеди является Бог, который определяется Г.А. Агеевой как скрытый коммуникант - высший «нададресант» [1; 9].

В тексте проповеди Бог одновременно представлен как

а) адресант;

б) высшая ценность;

в) авторитет, к которому апеллирует адресант-посредник (проповедник), обращаясь за подтверждением собственной точки зрения и придавая ей, таким образом, силу божественного высказывания.

Как и в других типах персуазивного общения (например, в политике и рекламе), между адресантом и реципиентом проповеди существует прекоммуникативный диссенс, который зачастую связан с реальным или предполагаемым непониманием реципиентом определенной ситуации, которая выступает объектом оценки проповедника по параметру «богоугодное – небогоугодное», другими словами «соответствующее – несоответствующее положениям вероучения и религиозной морали».

Объект, оцениваемый проповедником как «богоугодный», должен, по замыслу адресанта, включаться реципиентами-единоверцами в концептуальную сферу «СВОЕ». Объект, оцениваемый как «небогоугодный», должен быть отнесен к концептуальной сфере «ЧУЖОЕ».

Адресант-проповедник предполагает, что реципиент входит в ситуацию общения с несформированным отношением к тому или иному вопросу, либо у реципиента может быть своя точка зрения, однако, он не уверен, насколько его точка зрения соответствует положениям вероучения. Задача проповедника заключается в том, чтобы, опираясь на авторитет высшего нададресанта-Бога, высказать определенную точку зрения в отношении спорного вопроса и добиться принятия этой точки зрения реципиентом.

Таким образом, в проповеди (так же как и в рекламном объявлении и публичном политическом выступлении) реализуется комплексный речевой акт ОЦЕНОЧНОЕ ИНФОРМИРОВАНИЕ, в котором непосредственным субъектом оценки является адресант-проповедник, адаптирующий для реципиентов слово Божье, адресатом оценки – реципиент проповеди, а в качестве объекта оценки выступает спорный вопрос / ситуация - предмет дискурса.

Оцениваемая ситуация может быть как сакральной (например, некоторое положение Священного Писания, требующее разъяснений в связи с изменившейся общественной ситуацией), так и профанной (общественная ситуация, требующая разъяснения на основе положений вероучения).

В этой связи для современной проповеди характерна **актуализация прецедентного текста**, которая может строиться в направлении от профанного к сакральному, от сакрального к профанному и на основе противопоставления сакрального и профанного. Все три типа тематической актуализации могут сочетаться в одном тексте.

1. При актуализации от профанного к сакральному ситуация реальной действительности служит основой для разъяснения положений вероучения.

Рассмотрим в качестве примера проповедь «Warum Gottes Gnade unfair ist» (Predigt zum Gottesdienst zu Septuagesimä am 8.2.2009 (Mat. 20, 1-16a). www.christen-haigerseelbach.de. Просмотрено 18.10.09). Темой проповеди является притча о виноградунике (Mat. 20, 1-16a):

Виноградарь заплатил одинаковую сумму тем, кто работал в винограднике полный день, и тем, кто работал только один час: «Ebenso werden die Letzten einmal die Ersten sein, und die Ersten die Letzten». На примере этой притчи Иисус хотел показать, что неважно, когда человек придет к христианству, его ждет такая же награда, как и других пришедших, – Царствие Небесное.

Проповедник начинает свою проповедь с ситуации реальной действительности, передавая содержание своих разговоров с безработными, с которыми он общался во время проекта на одном из пасторских семинаров:

(1) Einer sagte: «Ich komme mir vor wie ein alter abgefahrener Autoreifen, den man auf die Müllkippe geworfen hat. Wenn ich Glück habe, werde ich noch einmal runderneuert durch eine Umschulung. Aber wahrscheinlich bin ich schon zu alt.» Ein anderer sagte: «Das ist wie ein langsames Sterben. Erst fragen die alten Kollegen noch nach „Hast du immer noch nichts?“, dann stellen sie die Frage langsam nicht mehr. Wahrscheinlich haben sie Angst, von mir angepumpt zu werden [...]» (Predigt zum Gottesdienst zu Septuagesimä am 8.2.2009 (Mat. 20, 1-16a). www.christen-haigerseelbach.de. Просмотрено 18.10.09).

Такой зачин проповеди может вызвать эффект обманутого ожидания: реципиент предполагает, что речь пойдет о проблеме безработицы и о том, как христианам нужно вести себя в положении безработного или по отношению к безработному.

Однако в следующем абзаце осуществляется переход к прецедентному тексту – Евангелию от Матфея, маркером чего служит риторический вопрос:

(2) Liebe Gemeinde, so schätzen einige Langzeitarbeitslose, die stundenlang in den Gängen des Arbeitsamtes sitzen, ihre Situation ein. Was sie wohl von dieser Geschichte halten würden, die Jesus erzählt hat? (Predigt zum Gottesdienst zu Septuagesimä am 8.2.2009 (Mat. 20, 1-16a). www.christen-haigerseelbach.de. Просмотрено 18.10.09).

В данном случае ситуация реальной действительности служит отправной точкой для интерпретации Священного писания и реализации персуазивной цели проповедника, выраженной в предложениях, завершающих проповедь: Komm in den Weinberg. Komm zu Jesus.

2. При актуализации от сакрального к профанному ситуация реальной действительности используется для аргументации того или иного положения Священного Писания.

В рассматриваемой нами проповеди проповедник обращается к ситуации реальной действительности с целью сделать более наглядной и понятной евангельскую притчу о винограднике: Проповедник сравнивает Иисуса Христа с начальником, боссом, который нанимает на работу всякого, кто хочет работать:

(3) Unser Boss ist Jesus, er stellt ein, anstatt zu feuern. Mit unbegrenztem Kündigungsschutz bleibt Jesus mein Boss. Er sucht Sünder, Schwache, Frusties und große Kinder. Er sucht gerade dich (Predigt zum Gottesdienst zu Septuagesimä am 8.2.2009 (Mat. 20, 1-16a). www.christen-haigerseelbach.de. Просмотрено 18.10.09).

В данном случае можно говорить о проявлениях инсценируемой интердискурсивности [6]. Намеренное смешение дискурсов, включение библейских персонажей или сюжетов в современный контекст используется проповедником для оптимизации контакта с аудиторией, установления более тесной связи объекта оценки со знакомой реципиенту ситуацией, что должно способствовать усилению аргументации в пользу положительной либо отрицательной оценки того или иного объекта. Такая персуазивная тактика получает название «профанирование сакрального», или «демифологизация» (Profanierung des Sakralen) [7; 109].

Маркерами «профанирования сакрального» являются слова и выражения, типичные для других дискурсов (экономического, научного, юридического и т.д.), которые включаются в религиозный контекст и образуют структуры со словами и выражениями, относящимися к лексико-семантическому полю религии: der Gott, Jesus Christus, die Kirche, das Evangelium, der/die Gläubige, die kirchliche Gemeinde etc.:

(4) Unser Gott ist wirklich ein «Global Player». Er ist wirklich überall tätig und hat seine Filialen überall (<http://www.wattpad.com/30614-ber%C3%BChrungs%C3%A4ngste>. Просмотрено 26.08.07).

В данном примере Бог представлен как транснациональная корпорация с филиалами по всему миру. Соответственно, проповедником используются лексические единицы, типичные для экономического дискурса: Global Player, Filiale.

«Профанирование сакрального» является одним из способов характерного для проповеди стремления к адаптации священных текстов к возможностям человеческого разума. Использование данной тактики сближает тексты проповеди с рекламными и политическими текстами.

3. Противопоставление сакрального и профанного реализуется в проповеди в форме антитезы, которая помогает ярче выделить более значимое сакральное на фоне менее значимого профанного и тем самым интенсифицировать оценку, осуществляемую проповедником-адресантом.

В качестве примера рассмотрим фрагмент проповеди «Keine leeren Worte» (U. Limpf. Keine leeren Worte. <http://www.chrischona-eichstetten.de/predigten/58.htm>. Просмотрено 15.11.08), одним из объектов отрицательной оценки в которой является пустое многословие.

Указывая на то, что количество слов далеко не всегда связано со значимостью передаваемой информации, проповедник сравнивает количество слов в важнейших священных текстах (в истории о сотворении мира, символе веры и в десяти заповедях) с количеством слов в «Постановлении Европейского сообщества об импорте карамели» (Verordnung der EG über die Einfuhr von Karamelbonbons):

(5) Die Geschichte von der Erschaffung der Welten am Anfang der Bibel gehört anerkanntermaßen zu den großen Werken der Weltliteratur. Sie umfasst 787 Worte. Das Glaubensbekenntnis der Christen, in dem das ganze Evangelium von der Schöpfung und Erlösung zusammengefasst wird, umfasst 107 Worte. Die Zehn Gebote Gottes, die, würde sich der Mensch daran halten, die ganze Welt verändern würden, umfassen 103 Worte. ... Die Verordnung der EG über die Einfuhr von Karamelbonbons umfasst 25911 Worte (U. Limpf. Keine leeren Worte. <http://www.chrischona-eichstetten.de/predigten/58.htm>. Просмотрено 15.11.08).

Священные тексты сами по себе являются высшей ценностью для верующего, но проповедник дает им характеристики, подчеркивающие их всеобщую важность, общемировое значение (gehört zu den großen Werken der Weltliteratur; die ganze Welt verändern). По сравнению с этими текстами, многословное постановление ЕС об импорте карамели можно воспринимать только с иронией, что и является целью адресанта.

Для презентации объекта оценки в проповеди большое значение имеет **заголовочный комплекс**, который содержит тему проповеди, а также (в большинстве случаев) название первичного по отношению к проповеди прецедентного текста, который подвергается интерпретации и / или служит источником аргументов в поддержку высказываемых проповедником тезисов.

Заявленная в заголовке тема проповеди имеет отношение к вопросу, спорному с точки зрения соответствия / несоответствия положениям веры. В первых абзацах текста спорный

вопрос зачастую формулируется в форме общего или специального вопроса с последующим указанием на причины, вызвавшие диссенс.

Например, Й. Хольдт (Johannes Holdt) в первом абзаце проповеди «Vom Sinn des Kniens» формулирует вопрос, который ему неоднократно задавали прихожане:

(6) Das Evangelium des heutigen Tages, wo Christus für die Ehrfurcht vor dem «Haus meines Vaters», also dem Haus Gottes kämpft, gibt mir Gelegenheit, eine Frage zu behandeln, die schon verschiedentlich an mich herangetragen wurde:

«Wie ist das eigentlich mit dem Knieen in der Kirche? Warum und wann sollen wir während der Messfeier niederknien?» (J. Holdt. Vom Sinn des Kniens. www.catholic-church.org/ao/ser/knien.html. Просмотрено 20.10.09).

В следующих двух абзацах описывается ситуация, которая стала причиной постановки этого вопроса и выбора темы проповеди:

(7) Nun könnte man sich über diese Frage zunächst wundern. Denn das Knieen in der Messe ist doch eigentlich etwas ganz Normales, das allgemein üblich ist. Darum haben wir ja auch Kniebänke in unseren Kirchen. Die Kniebänke sind zusammen mit dem Ewigen Licht geradezu das Kennzeichen, das spezifische Merkmal einer Katholischen Kirche, woran man sie auf einen Blick als Katholische Kirche erkennen kann. (1) Auf der anderen Seite erlebt man in letzter Zeit in manchen Gemeinden, dass während der Messe nicht mehr gekniet wird. Und nach Kirchenrenovationen gibt es da und dort plötzlich keine Kniebänke mehr. Was bislang selbstverständlich war ist von einem Tag auf den andern abgeschafft worden. Und zwar auf Anweisung des zuständigen Pfarrers bzw. des Pastoralteams. Mit Recht fragen darum die Gläubigen: Warum? Wie ist es eigentlich mit dem Knieen? (2) (ebd.)

Во фрагменте (1) преклонение колен в церкви оценивается как само собой разумеющееся (etwas ganz Normales, das allgemein üblich ist). Более того, проповедник относит Кniebänke к символам католической церкви. Во фрагменте (2) устоявшаяся традиция противопоставляется новой практике (... nach Kirchenrenovationen gibt es da und dort plötzlich keine Kniebänke mehr), которая одобрена церковнослужителями (... auf Anweisung des zuständigen Pfarrers bzw. des Pastoralteams). Конфликт между традицией и современной практикой, эксплицированный в предложении Was bislang selbstverständlich war, ist von einem Tag auf den andern abgeschafft worden, вызывает справедливый, по мнению проповедника, вопрос прихожан: Wie ist es eigentlich mit dem Knieen? В изменившейся ситуации прихожане поставлены перед выбором: сохранить Кnieen in der Kirche в концептуальной сфере «СВОЕ» (как необходимый элемент церковного ритуала) или изменить отношение к этому действию. Необходимость выбора является причиной диссенса, который проповедник стремится устранить, вступая в общение с прихожанами:

(8) Und wenn einmal etwas zur Frage geworden ist, dann muss es auch redlich und argumentativ beantwortet werden (ebd.).

В первом абзаце проповеди «Brot und Wein zur Freude des Menschen (Psalm 104, 14-24)» проповедник Р. Ляйт (R. Leicht) предугадывает удивление некоторой части аудитории по поводу темы проповеди, противоречащей ситуации ее порождения и восприятия – времени поста (Fastenzeit):

(9) Es könnte gut sein, dass sich manche unter ihnen wundern – sich wundern über diese Predigtreihe, jedenfalls am heutigen Abend. Da stehen wir in der Fastenzeit, halten Fastenpredigten – und reden über «Brot und Wein» (R. Leicht. Brot und Wein zur Freude des Menschen. www.ekd.de/predigten/070304_leicht.html. Просмотрено 20.10.09).

В этом несоответствии заключается диссенс, который проповедник провоцирует, адресуя аудитории (по крайней мере, ее «несогласной» части) риторический вопрос:

(10) Bei Wasser und Brot hätte doch vielleicht besser gepasst, oder? (ebd.)

В следующем абзаце проповедник со свойственной проповедческому дискурсу назидательностью еще раз разъясняет причину диссенса, который может вызвать у некоторой части аудитории тема проповеди:

(11) ... wir predigen heute unter der Überschrift «Brot und Wein zur Freude des Menschen». Auf der einen Seite Fasten und Trauern – und jetzt: «zur Freude des Menschen». Da mag sich mancher wundern: Wie soll das zusammenpassen? (ebd.)

Диссенс эксплицируется сложносочиненным эллиптическим предложением Auf der einen Seite Fasten und Trauern – und jetzt: «zur Freude des Menschen», в котором союз und выступает как противительный. Несоответствие темы проповеди времени ее произнесения вербализуется с помощью антонимов Trauern (настроение во время поста) ↔ Freude (тема проповеди).

Прогнозируемый адресантом-проповедником вопрос реципиента Wie soll das zusammenpassen? модифицируется в основном тексте проповеди после введения прецедентного текста – псалма 104 (Du lässtest Gras wachsen für das Vieh und Saat zu Nutz den Menschen, dass du Brot aus der Erde hervorbringst, dass der Wein erfreue des Menschen Herz und sein Antlitz schön werde vom Öl und das Brot des Menschen Herz stärken):

(12) Die Frage ist aber nun zu entschieden: Passt unser Text nicht zu unserer Fastenzeit – oder passt unser Fasten-Verständnis nicht zu unserem Psalm? (R. Leicht. Brot und Wein zur Freude des Menschen. www.ekd.de/predigten/070304_leicht.html. Просмотрено 20.10.09).

Цель адресанта-проповедника заключается в изменении традиционного представления о поведении верующих во время поста (die asketische Tradition), которое верующие связывают с отказом от некоторых видов пищи, вина, удовольствий (sieben Wochen ohne), а также в побуждении к изменению поведения во время поста и в жизни вообще (персуазивная целеустановка): необходимо не отказываться от чего-то, а совершать что-то особенное (etwas Besonderes tun). При этом проповедник обращается к авторитету Библии и в то же время использует тактику профанирования сакрального, интерпретируя псалом 104 с опорой на актуальные, понятные аудитории реалии (Fernstudienkurs Hebräisch in 49 Tagen):

(13) Liebe Gemeinde, ich glaube, die Bibel meint eher: Sieben Wochen mit, ach, was, ein ganzes Leben mit. (Übrigens, wenn ich selber endlich einmal dazu komme, möchte ich in der Fastenzeit nicht etwas unterlassen, was ich sonst tue – sondern vielmehr etwas Besonderes tun, wozu ich selbst noch nicht komme, zum Beispiel Hebräisch lernen, es soll da einen Fernstudienkurs geben: Hebräisch in 49 Tagen – das wären ja gerade sieben Wochen ...) (R. Leicht. Brot und Wein zur Freude des Menschen. www.ekd.de/predigten/070304_leicht.html. Просмотрено 20.10.09).

Итак, благодаря особому статусу в рамках институционального религиозного дискурса, обусловленному большей, чем у других религиозных жанров коммуникативно-информационной открытостью (доступностью) проповеди для социума, проповедческий дискурс «импортирует» актуальные социальные и политические темы, которые становятся объектом оценки проповедника.

Существующий диссенс в отношении той или иной социальной или политической темы находит свое отражение в проповедческом дискурсе. Одна из точек зрения может быть оценена как «богоугодная», другая – как «небогоугодная» и наоборот. При этом не исключается выработка проповедником собственной точки зрения, которая и передается реципиентам с установкой признать ее соответствующей положениям веры и включить в концептуальную сферу «СВОЕ».

ЛИТЕРАТУРА

1. Агеева Г.А. Религиозная проповедь как специфический вид языковой коммуникации (на материале современных немецкоязычных проповедей). Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к. филол. наук: Спец. 10.02.04. Иркутск, 1998.
2. Бобырева Е.В. Вторичные жанры религиозного дискурса: проповедь и исповедь // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе. Вып. 5. Орел: ОГИИК, 2007. С. 214-222.
3. Грудева Е.В. Религиозная сфера и церковно-проповеднический стиль // Русский язык: история и современное состояние: Материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 90-летию со дня рожд. А.А.Дементьева. Самара: Изд-во Самар. гос. пед. ун-та, 1999. С.187–191.
4. Карасик В. И. Язык социального статуса. М.: Гнозис, 2002.
5. Мечковская Н.Б. Язык и религия: Пособие для студентов гуманитарных вузов. М.: Агентство «ФАИР», 1998.
6. Сачава О.С. Textoобразующий потенциал инсценируемой интердискурсивности: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к. филол. наук: Спец. 10.02.04. СПб., 2009.
7. Bayer K. Religiöse Sprache. Thesen zur Einführung. Münster: Lit Verlag, 2004.

Вопрос М.П. Мозучевой, старшего преподавателя кафедры русского языка и литературы Вольховского филиала РГПУ им. А.И. Герцена: Каковы сходства и различия текстов русскоязычных православных проповедей с немецкоязычными? И соответствуют ли обращения священнослужителей Русской Православной Церкви канонам текста проповеди?

Ответ А.В. Голоднова: Я исследую тексты немецкоязычных проповедей и не сравниваю их с иноязычными. Проповедь более характерна для протестантизма. Православная же церковь не проводит активные проповеди. Выступление православных священнослужителей скорее можно назвать «Словом», «Обращением к народу».

Комментарий В.Е. Фраймана: Если проводить параллель между протестантизмом и православием, то протестантские проповедники стремятся более понятно, более «доходчиво» донести «Божье слово», используя повседневные, мирские, близкие народу примеры, иллюстрации, аналогии из жизни. В то время как православие стремится отделиться от мирской суеты и сохранить сакральное таинство, божественность.

Вопрос А.П. Фомина: Тенденция профанации сакрального стала характерной для протестантизма лишь в настоящее время, в современном обществе?

Ответ А.В. Голоднова: Нет, это очень давняя тенденция. При анализе немецкоязычных протестантских проповедей XIII-XIV веков уже были обнаружены составляющие «рекламного текста».

Комментарий С.Г. Филипповой: Исследование текста проповеди представляется в настоящее время особенно актуальным с точки зрения проблемы интердискурсивности.

СОЦИАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ ЯЗЫКОВЫХ ВАРИАНТОВ

На особенности употребления языка современной эпохи, на речевое поведение оказывают влияние различные факторы социального и психолингвистического характера. Изменения в общественной жизни, которые произошли в 80-90-е годы 20 века, повлекли за собой изменение языковой ситуации. Изменился социальный состав участников коммуникации. Среди важных особенностей современной вербальной коммуникации исследователи отмечают такие, как:

- расширение пользователей литературного языка, многие из которых обладают сниженным или неустойчивым знанием литературной нормы;
- возрастание публичной активности членов социума с различным уровнем языковой компетенции;
- изменение каналов распространения информации;
- утрата нормотворческой функции произведениями художественной литературы;
- смена речевого этикета, усредненность используемых языковых средств, ориентация на узус СМИ;
- изменение социального статуса и социальной роли интеллигенции, призванной распространять литературную норму;
- влияние англо-американского языка.

Все эти факторы влекут за собой расшатывание устоявшихся норм, появление большого количества нарушений языковых правил. Эти нарушения могут перейти в норму либо длительное время существовать как речевые ошибки. В связи с этим становится понятным пристальный интерес как специалистов, так и рядовых носителей языка к вопросам культуры речи, вариантности языковых средств, нормализации русского языка.

К проблеме социальной дифференциации языка тесно примыкают вопросы, связанные с особенностями речевого общения в разных социальных группах. До последнего времени этот круг вопросов изучался преимущественно в аспекте использования языковых средств представителями так наз. условных социальных групп, при этом объектом изучения были главным образом средства литературного языка, допускающие варьирование. Такое варьирование социально обусловлено: оно зависит от возраста говорящих, уровня их образования, территориальной принадлежности, профессии и ряда других характеристик.

Делая акцент на своеобразии использования языка в разных коммуникативных обстоятельствах, нельзя обойтись без описания типовых ситуаций речевого общения. Формулирование правил речевого поведения носителей языка в различных ситуациях, в зависимости от разных целей общения, - одна из задач социолингвистики

Социально-ролевые характеристики коммуникантов, отношения между ними и цель общения ведет к изменениям в лингвистических характеристиках речевой ситуации: в выборе языковых средств, в их сочетании друг с другом и т.п.

Социолингвистический анализ речевых ситуаций может выявить социальные причины нарушения известных коммуникативных постулатов и возникновение коммуникативных неудач. В частности, в разной социальной среде могут быть неодинаковые представления об успешности речевого акта, и то, что в одной среде считается коммуникативной нормой, в другой вызывает негативную реакцию. Например, в современном русскоязычном обществе формулы вежливости (типа *будьте добры; не могли бы вы...; могу ли я попросить вас...*), обращенные к носителям просторечия, могут вызывать у последних неприятие, тем самым являясь причиной коммуникативной неудачи.

Языковая вариантность - это способность языка передавать одни и те же значения различными способами. Рассмотрим вариантность различных уровней языка, хотя в некоторых случаях, речь скорее идет о вариативности.

1) Лексические варианты.

Как известно, любая коммуникация начинается с приветствия. Какие приветствия используются в современной речи? Все большее распространение, особенно в молодежной среде, получает форма «Привет!» или ее английский вариант. Традиционное вежливое «Здравствуйте» заменяется его усеченным фонетическим вариантом «Здрасьте». Причем это происходит во всех сферах общения: не только в непринужденной разговорной речи, но и речи официальной. Уходят в прошлое, становятся очень редкими «Приветствую Вас» и т.п. Они используются в определенных языковых ситуациях, как правило, в речи знакомых между собой людей.

Второй шаг общения – обращение к собеседнику. На сегодняшний день в российском обществе отсутствует общепринятое обращение, адресованное аудитории. Как, например, обратиться к студентам? Господа, товарищи, дети, студенты, курс? Появившиеся после революции 17 года «гражданин», «гражданка» сегодня вызывают негативные эмоции у рядовых носителей языка. Эти обращения используются сотрудниками правоохранительных органов. Широко распространенное в советское время обращение «товарищ» постепенно вытесняется из языка, используется при официальном обращении, чаще всего, в речи пожилых людей (*Товарищ водитель*). Не приживаются и до сих пор воспринимаются как чужие появившиеся в постперестроечный период «господа», «господин», «госпожа». В школе зачастую учителя не знают, как обратиться ко взрослым, и не только, ученикам. В 1-м классе учитель, наряду с традиционными «ребята», «ребятки», употребляет «люди».

2) Орфоэпические варианты. В последнее время наблюдается все больше отклонений от литературной нормы под влиянием просторечия. Такие отклонения могут быть вызваны разными причинами, но главной является недостаточное владение нормами литературного языка. Не только в обыденной речи, просторечии, но и в СМИ, мы можем услышать *инцидент, прецендент, компроментировать, константировать, договорА, жАлюзи, квАртал* и т.п.

Кроме того, под влиянием профессиональной речи, через многочисленные сериалы о сотрудниках милиции в речь попадают формы типа *осужденный, приговор, новоружденный*.

3) Грамматические варианты. Среди них в первую очередь, следует рассмотреть вариантные формы именительного и родительного падежей существительных мужского рода.

В современной русской речи обнаруживается тенденция к более широкому употреблению окончаний *-а\-я* в И.п. ед.ч. (*приговора, инспектора* и т.п.), которые до недавнего времени считались разговорными или профессиональными. Некоторые варианты лингвисты объясняют влиянием профессиональной речи.

Для исследования подачи помет, свидетельствующих о нормах функционирования вариантов в речи, были выбраны словари последних лет: «Большой толковый словарь» под ред. А.Н. Тихонова (БГС), «Большой толковый словарь русского языка» под ред. С.А. Кузнецова (БТС), «Словарь трудностей современного русского языка» под ред. К.С. Горбачевича (СТ). В словарях насчитывается ~ 417 слов. В трех словарях приводятся с пометами только 83 существительных (20%). Примеры выбраны преимущественно из «Словаря трудностей», в «Большом толковом словаре» почти половина из них приводится без помет, что свидетельствует о том, что существительные образуют форму именительного падежа множественного числа в соответствии со стандартными образцами, характерными для данного типа склонения.

Минимальная шкала, состоящая из трех помет (разг., проф. и доп.) введена в «Большом толковом» и «Большом грамматическом» словарях. «Словарь трудностей русского языка» приводит более широкий диапазон помет. В «Словаре трудностей русского языка» ~ 41 слово дано с пометой, указывающей на просторечный характер флексии *-а*. В «Большом толковом словаре» помета «разг. *-а*» приводится у 12 слов (*автоинспектор, бугель, бухгалтер, ворох, договор, инженер, инструктор, колер, рапорт, стопор, табель, шофер*). В «Большом грамматическом словаре» разговорными являются формы *ветрА, глассерА* (доп.), *договорА* (доп.), *почеркА*.

Помета, указывающая на употребление флексии *-а* в профессиональной речи, приводятся в «Словаре трудностей русского языка» у ~ 85 существительных, в «Большом грамматическом словаре» - у 11 существительных, в «Большом толковом словаре» – только у одного слова *штурм* и «спец.» у слова *шенкель*.

Помета «непр. *-а*» зафиксирована в «Словаре трудностей» у ~ 76 слов, «не рекомендуется» – у 10 сущ., а в других словарях подобные пометы отсутствуют.

У существительных флексия *-а* дана как «доп.» у 37 слов в «Словаре трудностей» и у 13 – в «Большом грамматическом словаре».

Кроме того, в словарях имеются расхождения в подаче вариантных форм. Так, например, «Словарь трудностей русского языка» рекомендует *-я* как допустимый вариант, «Большой грамматический», «Большой толковый» словари рассматривают равноправные формы *-я* и *-и*.

Несмотря на нормализаторскую практику, сегодня в повседневной жизни мы встречаем довольно много колебаний в употреблении форм именительного падежа как в устной речи, так и в произведениях печати (*Меняю масло, фильтры, регулируем клапаны* (КП. 18-25.10.07). – В.п. *После заправки клапана действительно стучат* (Труд. №105. 2007). *Кабели* (Объявление. КП. 29.09.05). *Кабеля* новые проложены (Из устной речи). *Действительно, придя в одну из фирм, инспекторы познакомились с 14 водителями, которые по-русски почти не говорили* (АиФ. №15. 2008). *Инспектора по защите прав потребителей вправе приостановить незаконную торговлю БАДами ...и оштрафовать продавца* (КП. 28.07.05). *Замечено, что крайне редко заболевают гриппом студенты перед ответственным экзаменом, главные бухгалтера во время сдачи годового баланса, актеры перед премьерой* (АиФ. №10. 2008).

Более поздние заимствования имеют флексию *-ы*: *Блоггеры* буквально за полчаса разработали план мести (КП. 01-08.11.07). *Настоящие флеш-моберы* пишут мне письма с проклятиями (КП. 18-25.10.07). *Требуются промоутеры* для распространения листовок у метро (АиФ. 2008. №15). *Эспейперы* – мое поколение (КП. 12.11.04). Но в то же время: *Юзера* всех стран объединяйтесь! (КП. 25.02.01).

Таким образом, анализ помет словарей и примеров словоупотреблений вариантных форм показывает, что неправомерно объяснять варианты формы И.п. мн.ч. влиянием профессиональной речи.

В толковых словарях формы родительного падежа регистрируются по-разному. «Толковый словарь русского языка» С. И. Ожегова в качестве основной и нормативной рекомендует форму на *-а*, а форму на *-у* приводит как вариантную исключительно во фразеологических сочетаниях. «Словарь современного русского литературного языка» (БАС) признает равноправными обе формы практически почти во всех словах приведенного списка, хотя и с оговоркой, что Р₂ носит разговорный характер. «Большой толковый словарь русского языка» (БТС) признает равноправное существование вариантных форм у всех отмеченных существительных, лишь в некоторых случаях с пометами «нар.-поэт.», «нар.-разг.», «трад.-нар.» (*варвар, ополох, пенник (устар.), полон, приворот, пригляд, пых, роздых, согрев, спас, спех, срам, сугрев, талан, устаток*). Разговорной форма на *-а* признается у слов *жемчуг, интерес, подвох, фураж*.

Формы на *-у* встречаются не только в произведениях классической литературы, но и современных СМИ и литературных произведениях - *Хорошо, хорошо, - быстро сказала Ника. – Хочешь, я тебе налью валерьяновых капель? У тебя есть? Или валокордину?*(Т.Устинова. Колодец забытых желаний). При этом нередко у одних и тех же авторов в одних и тех же речевых ситуациях наблюдаются параллельные формы. *А в связи с тем, что на министра здравоохранения в суд подавать никакого интереса нет, вот и подают на всех подряд врачей* (Т. Устинова. От первого до последнего слова). (*Олег Петрович ничего не ел и не пил и на Федора нялился без всякого интересу!*)(Т.Устинова. Колодец забытых желаний).

Это происходит и в словах, которые сравнительно недавно вошли в употребление: *Много воды, много слов и снова много пиара* (КП. 13-20.10.05) – *Задать пиару!* (М. Кронгауз. Русский язык на грани нервного срыва). В данном случае следует говорить о фразеологической модели, которая строится по аналогии с сочетанием «*задать перцу*». *Много воды, много слов и снова много пиара* (КП. 13-2.10.05).

Несмотря на то, что употребление форм на *-у* в устойчивых словосочетаниях признается обязательным, современные авторы не всегда следуют предложенным рекомендациям. Например: *-Черт бы вас побрал, господин полковник, с какого бока к вам подъехать? – искренне воскликнула Нина...*(Н. Леонов. Наемный убийца). Но в тех же текстах: *С какого боку ни зайди, все одно: пришла пора позаботиться о собственной шкуре* (М.Серова. Будь что будет). *Сколько жильцы ни писали, ни ходили по инстанциям, все без толку...*(М.Серова. Похищение века).

Таким образом, прежде всего, следует отметить, что словари не единообразны в подаче существительных с избыточными формами родительного падежа единственного числа. Кроме того, следуют за употреблением, фиксируя те слова, которые уже встречаются в речи. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что «Большой толковый словарь» приводит с формами *-а* и *-у* такие «экзотические» существительные, как *ерофеич* (название водки) и *магарыч*.

Кроме того, в настоящее время нельзя однозначно говорить о разговорном характере окончания *-у*, т.к. оно наблюдается не только в разговорной речи, но и письменных источниках различных жанров и стилей.

В современном русском языке вариантность должна рассматриваться не только с точки зрения нормативности и временной соотнесенности, но и с точки зрения функционирования в речи (общеупотребительные, специальные, разговорные и т.п). Речь может фиксировать черты, которые являются типичными для языковых привычек и особенностей данной социальной среды. Язык, отражая социальную мобильность, предлагает варианты средства выражения, и в

результате их конкуренции остаются наиболее целесообразные для конкретных условий общения.

Причины появления вариантности различны. Они обусловлены историческими традициями, влиянием древних морфологических и акцентологических процессов, потенциальными возможностями системы языка, с одной стороны, с ее реализованными образцами – с другой. Среди причин внешнего характера – социальная дифференциация языка, влияние диалектных и просторечных форм, языковые заимствования. Вариантность – естественное и необходимое свойство языковой системы.

Комментарий М.П. Могучевой: В своё время я советовала студентам обращаться к справочно-информационному интернет-сайту Грамота.ру, посвящённому русскому языку. Но сейчас хотелось бы предостеречь от использования этого источника и порекомендовать обращаться всё же к печатным изданиям словарей или к их электронным версиям.

Вопрос А.П. Фомина: Сейчас в интернете, особенно это распространено среди молодёжи, принято писать с орфографическими ошибками. Что это за современная тенденция?

Ответ Л.Н. Дешеулиной: Это так называемый «ЯЗЫК ПАДОНКОВ» или «ПАДОНКАФФ», распространившийся в Рунете в начале XXI века, стиль употребления русского языка с нарочно неправильным написанием слов, сознательным утрированием ошибок, частым употреблением ненормативной лексики и определённых штампов, характерных для сленгов. Чаще всего используется при написании комментариев к текстам в блогах, чатах и веб-форумах. Всё это обусловлено принадлежностью к определенной социальной группе, правилами общения в ней, желанием стать «своим», а также конкретной речевой ситуацией. Однако сейчас появляется обратная тенденция к «грамотности в интернете».

Комментарий А.В. Голоднова: Одной из функций языка является идентификационная функция. Поэтому стремление не стать «изгоем» в определенном кругу лиц может объяснить такое широкое распространение данного «ЯЗЫК ПАДОНКОВ».

Комментарий С.Г. Филипповой: Всегда существует возможность, что та или иная ошибка может приобрести широкое употребление в языке, закрепиться в узусе, перейдя из разряда ошибки в вариант. Поэтому понятие ошибки весьма относительно. Кроме того, современный язык постоянно меняется, и происходит это с большой скоростью.

К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

С возрастанием жанрового разнообразия художественной литературы в современный период становится более актуальным определение границ художественного произведения. Проблема определения художественного текста состоит в том, что художественное произведение, делая своим объектом любую область реального мира, может излагать информацию в форме любого словесного стиля (научный, публицистический, политический, разговорный), причём может целиком состоять из него. На эту особенность указывал ещё в 40-х годах Г. Винокур, говоря, что художественный текст не имеет собственной формы, а пользуется материалом обыденного языка (Винокур 1991: 26). Также, Р. Якобсон, давая определение поэзии, говорил, что в поэзии, например, любой речевой элемент превращается в фигуру поэтической речи (цит. по Шлайфер 1997: 30). На наш взгляд, это справедливо и в отношении словесного искусства в целом.

В этой связи Ю. Лотманом ставится вопрос о том, какие тексты следует называть художественными, а какие нет. Трудность ответа на этот вопрос он объясняет постоянными изменениями литературного языка, которые не позволяют выявить чёткие закономерности художественного стиля, т.е. "стоит сформулировать любое правило, как тот час живая история литературы предлагает столько исключений, что от него ничего не остаётся" [2]. Так, искусство 20-го века принципиально разрешает включать газетный текст в поэзию или иными способами использовать нехудожественные тексты в функции художественных. "Граница между художественными и не художественными текстами может проходить столь непривычным для нашего современного восприятия образом, что мы будем склонны её вообще не улавливать, считая, что данному типу культуры она не свойственна" [2]. На наш взгляд, не столько стиль изложения помогает определить текст как художественный, сколько общая идейная направленность произведения, выраженная в авторском замысле, но чтобы понять авторское намерение, либо нужно прочесть и проанализировать текст, либо должны быть предварительные внетекстовые сигналы его принадлежности. Соответственно, если мы и можем говорить о художественном стиле, то как о таком, который представляет собой сочетание различных стилей, объединяемых общей идеей, замыслом. При этом всё же нельзя отрицать и существование некоторых собственно художественных особенностей изложения, таких как детализация и др. (подробнее об этом далее).

Другая сторона проблемы относится, на наш взгляд, к собственно понятию «текст». Стоит ли рассматривать отдельные тексты внутри произведения, либо всё произведение целиком. Ю. Лотман идёт дальше, предлагая как вариант рассматривать в качестве текста совокупность произведений одного автора, либо даже всё творчество автора («Северные рассказы Дж. Лондона», «Творчество У. Шекспира») [2].

Чтобы определить для себя значение термина *художественный текст*, попытаемся для начала в отдельности разобрать понятия *текст* и *художественный*. Понятие *текст* употребляется в разных значениях, из которых нас интересует определение текста в прагматическом аспекте. Текст в широком понимании рассматривается А. Беляевым как смысловое целое, являющееся организационным единством составляющих его элементов [1; 347]. Эта формулировка, на наш взгляд, звучит довольно пространно и не даёт представления о форме и материальной отнесённости "целого", т.е. сюда можно отнести, к примеру, и футбольную команду. Этим же автором предлагается другая трактовка как часть первой: "текст – сообщение, направленное автором (адресантом) читателю (адресату)" [1; 347]. Это определение значительно ближе нашему требованию, но оно также не достаточно поясняет нам, из какого рода знаков строится это сообщение - речевых (лингвистических) либо, например, графических

или (в устной речи) мимических, которыми тоже можно сообщать информацию. Другая трактовка предложена в Краткой литературной энциклопедии А. Суркова: «текст – минимальная единица речевой коммуникации, обладающая относительным единством (целостностью) и относительной автономией (отдельностью)» [4; 547]. Это определение создаёт впечатление о тексте как о формальной сущности, которая, хоть и представлена как часть реального процесса коммуникации, сама по себе выглядит довольно неопределённой. В этом смысле более целесообразно будет трактовать текст как сообщение или событие, что позволит рассматривать его в виде «живого», реального действия. Следовательно, определим текст как длящееся или зафиксированное речевое *событие*, произошедшее вследствие стремления автора (адресата) к изложению мысли. Смысл текста определяется его отношением к внетекстовой реальности, другому тексту, к личности, памяти и иным качествам передающего и принимающего сообщение. Итак, текст будет рассматриваться нами в качестве актуального события с содержащимися в нём языковыми средствами воздействия.

Далее нужно определить понятие художественного текста, или, иначе, понять, что есть художественное речевое событие, в отличие от научного, разговорного и т.д.

В литературоведении используется понятие *художественности*, которая может характеризоваться, с одной стороны, как сложное сочетание качеств, определяющее принадлежность плодов творческого труда к области искусства [5; 489]. Иначе говоря, имеется в виду термин, производный от прилагательного *художественный*, применяющийся для смыслового отграничения класса явлений. Другое определение, данное в словаре русского языка А.П. Евгеньева, трактует художественность в ином ракурсе и называет её способностью к эстетическому воздействию на читателя, слушателя, зрителя [6; 629]. Схожую точку зрения выражал в своё время Ф. Достоевский: «Художественность есть способность до того ясно выразить в лицах и образах свою мысль, что читатель, прочтя роман, совершенно также понимает мысль писателя» [5; 68-69]. Общая мысль последних двух формулировок, как видно, в трактовке художественности как позитивного качества или, если так можно сказать, *артистичности*, т.е. свойства, могущего проявляться в большей или меньшей степени. Мы усматриваем некоторую неточность в данных формулировках. Сомнительно, на наш взгляд, утверждение Достоевского, что точность передачи авторского сообщения («мысли») является показателем художественности – ведь на понимание произведения влияют различные факторы, определяющие особенности адресата: личные качества и опыт, временная отдалённость от произведения, социальная принадлежность. Произведение может в разные времена и для разных читателей приобретать иной смысл, о котором автор даже не думал, но от этого само по себе оно вряд ли становится менее «артистичным». Скорее, во втором значении степень художественности зависит, на наш взгляд, от того, насколько чётко автор в произведении придерживается тех самых качеств, «определяющих принадлежность плодов творческого труда к области искусства» [5; 489].

Итак, термин *художественность* приводит нас, скорее, к свойству, а не к классу явлений, так как в меньшей степени понимается как второе и в большей – как первое, поэтому обратимся к понятию *художественный*, которое интересует нас применительно к тексту. По сходству с однокоренным существительным, *художественный* также обладает двойственным значением: с одной стороны, это указание на тип продуктов творчества, (художественная проза, художественный образ), а с другой – на их высокое совершенство (художественная сила) [4; 338]. Нам необходимо рассматривать термин в функции указателя класса явлений с общими, свойственными только этому классу характеристиками, позволяющими идентифицировать последний как *художественный*. Слово *literary*, применяемое в отношении как текста, так и литературы – если его считать англоязычным соответствием *художественному*, – в Оксфордском словаре английского языка трактуется следующим образом: «обладающий маркированным стилем, направленным на создание особого эмоционального эффекта» [7; 1023]. Очевидно, что любой текст потенциально способен вызвать эмоциональный эффект, разница в

том, какими средствами это осуществляется. В другом значении, предложенном в этом же словаре, literary трактуется как тип литературы, которая «ценится за качество (quality) (или качественность) формы» [7; 1023]. Однако при этом не приводятся критерии качества. Данное определение, на наш взгляд, не даёт понимания того, что определяет класс «literary», т.е. не выделяет характеристики, которая помогала бы отделять художественную литературу от документальной и другой литературы.

Рассмотрим другое английское слово, употребляющееся в тех же случаях, - fictional. Изначально оно понималось как «воображаемый», «ненастоящий», «иллюзорный», а затем стало применяться для обозначения типа литературы. Интересно оно тем, что на наш взгляд, само в себе выделяет такой класс литературы, основу содержания которого составляет *выдуманное, воображаемое* (imaginary), или *образное*. Однако же это понятие не относится к документальным элементам внутри произведения, а только к той его части, которая составляет заведомо выдуманное, не охватывая случаев наложения выдуманных событий на документальные. Например, у С. Фрая в романе *The Legacy* вымышленное действие происходит на фоне убийства Дж. Кеннеди в 1963 году.

Определение русского слова *художественный* предложено Словарём русского языка: «художественный – относящийся к искусству, воспроизведению действительности в образах» [6; 629]. Это определение, хоть и звучит довольно обобщённо, всё же упоминает важную особенность, а именно *образ*. Итак, очевидно, что образ в искусстве есть инструмент создания того самого эмоционального эффекта, который, разумеется, проявляется не сам по себе, а как результат воздействия образа на сознание. При этом, как мы сказали, дело не в вымышленности или действительности объекта, а, на наш взгляд, в *образном функционировании* этого объекта в речевом контексте. Другими словами, реально произошедшее событие может функционировать как образ, эстетический и моральный. Следовательно, художественный текст в нашем понимании есть *закрепленное речевое событие, заключающееся в словесном воспроизведении действительности в образах с целью создания определённого эмоционального эффекта*. Это подтверждается суждением А. Беляева о специфике художественного сообщения, «которая состоит в том, что оно [художественное сообщение] оказывает эмоциональное воздействие, но не передаётся стандартными нормализованными языками, а представляет собой систему индивидуальных художественных образов» [1; 117].

Идя далее, мы сталкиваемся с вопросом, имеет ли эта особенность фактическое отображение во внутренней структуре ХТ, т.е. можем ли мы идентифицировать описываемый предмет как художественный образ, опираясь лишь на собственно текст. Иначе говоря, что в формальной структуре текста служит маркером его принадлежности к художественному произведению?

Говоря об отличительных особенностях ХТ, Ю. Лотман указывал, что получатель должен знать, что текст, к которому он обращается, следует рассматривать как художественный. «Следовательно, текст должен быть определённым образом организован и содержать сигналы, обращающие внимание на эту организацию» [2; 776]. Однако при знакомстве с литературным наследием последних двух веков мы часто затрудняемся определить, является ли описываемое авторским вымыслом или реальным событием. Например, многие рассказы М. Твена (а также новейших авторов – П. Акройда, Дж. Барнса) написаны в форме газетных статей или писем со всеми присущими этим речевым типам стилистическими компонентами. В подобных случаях внутренняя организация нам не сообщает ничего о принадлежности текста, а если и так, то роль её в этом оказывается весьма посредственной. Следовательно, мы понимаем эту принадлежность исходя из контекстных признаков текста и заданных ими внетекстовых указателей, таких как название книги, название глав и разделов, а также содержащиеся в ней пояснения автора или редактора. Также наши фоновые знания об амплуа автора помогают нам воспринимать текст как художественный.

Литература нового времени, как уже указывалось, заимствует стилистические структурные формы из всех областей речевого общения, использует всё то, что используется в науке, неформальной речи, в публицистике. Также, тенденция нормативного раскрепощения письменной литературы в 20-м веке, на фоне стремления приблизить вымысел к реалиям современной жизни, привела к внедрению нецензурной лексики в литературу, таким образом приближая последнюю к разговорной речи в её естественном виде.

Следовательно, сейчас мы вряд ли можем вести речь о каком-то особом литературном языке в полном смысле слова. Хотя раньше можно было говорить о литературно-поэтической речи с особой лексикой, относящейся к так называемому высокому стилю, то теперь если такая лексика и используется, то в основном как средство стилизации (*brine – tear, aloft – high*). Соответственно, утверждать, что тот или иной элемент во внутренней языковой структуре текста говорит о том, что это художественное произведение, не представляется возможным.

В таком случае, что, по словам Ю. Лотмана, должно служить сигналом стилистической принадлежности текста? Как видно, для адресата важную роль в этом играют внетекстовые элементы (различные опережающие пояснения типа «A Collection of Short Stories», «A Novel» и т.д.), т.к. каждый автор, задумывающий произведение как художественное, в той или иной мере заинтересован в создании установки на восприятие текста как художественного. Например, в нью-йоркском издании 1993 года произведения Дж. Стеффлера о Джордже Картрайте, известном американском исследователе 19-го века, помета “A Novel” помещена большими буквами отдельного цвета на лицевой стороне суперобложки, так что читатель поймёт, что это не биографическое произведение, а роман (J. Steffler *The Afterlife of George Cartwright* NY, 1993). Эта установка у зрелого читателя при чтении порождает вопрос «Что автор хочет сказать?» в отличие от вопроса «О чём здесь написано?», который как правило, порождается установкой на восприятие чисто информативных текстов, таких как газетные новости и др.

Речевые ситуации в ХТ, хоть они и воображаемы, являются прототипом реальных речевых ситуаций и строятся автором по правилам действительности, содержат любой тип грамматики и лексики. Поэтому язык ХТ богат всевозможными языковыми формами, которые отличают его от других сфер, где приемлема лишь своя система средств выражения. Наиболее ясно это проявляется в лексике. В этой связи, можно сказать, что ХТ не имеет никаких ограничений в выборе лексических единиц и может легко сочетать в себе единицы, заимствованные из резко отличающихся друг от друга сфер общения, от научной терминологии до разговорных элементов – просторечий, жаргонизмов, вульгаризмов.

Итак, принимая во внимание то, что ХТ не имеет собственной грамматической структуры и лексикона, а лишь заимствует средства и преобразует их во вторичные, можем ли мы сказать, что такого типа текста, как художественный, не существует? Если говорить об уровне языковой системы, то термин имеет право на существование (если считать особенностью близкое соседство в тексте элементов различных стилей). Тем более ХТ существует как совершенно особый тип речи, если иметь в виду назначение, цель текста.

Современная художественная литература имеет свойство отображать любую из сторон человеческой жизни, в результате чего в одном конкретном художественном тексте соседствуют формальные элементы всех стилей. Это соседство создаёт своеобразный стилистический сплав, который можно считать главной структурной особенностью художественного текста.

В этой связи, мы считаем, что специфика порождения ХТ состоит в том, что его информативная функция реализуется через эмоционально-эстетическую функцию. Выбор формы, адекватной сообщению, есть один из факторов создания высококачественного произведения.

Следовательно, форма художественного произведения есть средство достижения «наглядности» информации и более эффективного её усвоения. Информация универсальна, не прикреплена к определённой форме и может выражаться различными стилями. Но в том и заключается, на наш взгляд, практическая ценность искусства, что своей общей формой, создающей высокую коммуникативную проводимость, оно повышает силу сообщения, часто выступая сильным инструментом убеждения, и способствует формированию сознания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беляев А.А. Эстетика. Словарь. М., 1989
2. Лотман Ю.М. О русской литературе. СПб, 1997
3. Михайлов Н.Н. Теория художественного текста. М., 2006
4. Краткая литературная энциклопедия. М., 1975
5. Литературный энциклопедический словарь. М., 1987
6. Словарь русского языка. М., 1984
7. Oxford Dictionary of English. Second Edition, Oxford University Press, 2002

Комментарий Н.Л. Костаревой: Такие художественные произведения, как «Война и мир», «По ком звонит колокол» далеко не однозначны. Мысли, интенции, замыслы их авторов не могут быть сведены всего лишь к одной конкретной идее.

Ответ В.Е. Фраймана: Я не утверждал этого. Я лишь привёл конкретный пример. Интерпретация смысла – это уже другой вопрос. Согласен, что тем и идей в каждом из данных произведений множество, но все они подчинены одной главной, определяющей, ведущей идее.

Вопрос С.Г. Филипповой: Если текст – «уединённый монолог», то он лишен адресата? Как Вы относитесь к категории адресованности?

Ответ В.Е. Фраймана: Любой текст обладает данной категорией, т.к. любой текст по сути диалогичен. Даже в случае «уединённого монолога», не ориентированного на конкретного адресата, текст автора содержит отклики на чьи-то слова, произнесенные ранее, или является одновременно репликами потенциальных, воображаемых адресатов.

Вопрос А.П. Фомина: Можно ли утверждать, что отсутствие определенных интенций у автора, смыслов, адресованности текстов – есть шизофрения?

Ответ В.Е. Фраймана: Думаю, можно. Кроме того, в таком случае существует опасность ложной интерпретации замысла автора.

ПОНЯТИЕ О СВЕРХТЕКСТЕ И ЛОКАЛЬНОМ ТЕКСТЕ В СОВРЕМЕННОМ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ

В современных исследовательских работах, посвященных проблеме сверхтекста, актуальными являются, во-первых, вопросы выработки критериев, позволяющих отнести тот или иной субтекст к уже обозначенному сверхтексту; во-вторых, обоснованность использования термина «сверхтекст» в отношении определенного литературного материала, еще не описанного целью. Исследования сверхтекста требуют комплексного анализа, совмещающего литературоведческий и лингвистический подходы.

По мнению Н. А. Купиной и Г. В. Битенской, «сверхтекст — это совокупность высказываний, текстов, ограниченная темпорально и локально, объединенная содержательно и ситуативно, характеризующаяся цельной модальной установкой, достаточно определенными позициями адресанта и адресата, с особыми критериями нормального/анормального» [4; 215].

В работах Н. Е. Меднис определяет общие признаки, которые позволяют «в каждом отдельном случае вести речь о цельном тексте, правда, весьма сложном и специфическом» [9]:

1. Наличие образно – тематического обозначенного центра (конкретный локус для локального (городского) текста или культурно – биографический – для персонального (именного) текста.

2. Наличие и знание читателем относительно стабильного круга текстов, наиболее репрезентативных для данного сверхтекста в целом. Существование структуры центр-периферия, реализованной в каждом сверхтексте, что позволяет определенным образом выстраивать его метаописание с опорой на ядерные субтексты.

3. Синхроничность восприятия сверхтекста. В синхронически представленном пространстве сверхтекста обнаруживаются важнейшие штрихи, не актуализированные в частных, отдельных субтекстах, и благодаря открытию и осознанию этих конституирующих черт сверхтекст начинает влиять на рецепцию внетекстовых реалий (а иногда и на сами реалии).

4. Смысловая цельность сверхтекста, рождающаяся в месте встречи текста и внеположенной реальности и выступающая в качестве цементирующего сверхтекст начала.

5. Общность художественного кода - языковая общность, которая, складываясь в зоне встречи конкретного текста с внетекстовыми реалиями, закрепляется и воспроизводится в различных субтекстах как единицах целого.

6. Границы сверхтекста и устойчивы и динамичны одновременно.

Н. Е. Меднис предложено рабочее определение сверхтекста. Сверхтекст представляет собой сложную систему интегрированных текстов, имеющих общую внетекстовую ориентацию, образующих незамкнутое единство, отмеченное смысловой и языковой цельностью.

В исследованиях последних лет указываются следующие разновидности сверхтекстов: актуальные, актуализированные и потенциальные; индивидуально-авторские, коллективно-авторские, квазиавторские, анонимно-авторские; собранные и несобранные; однотипно и неоднотипно структурированные; сильные и слабые с жесткой и нежесткой структурой; тематические – локальные, именные, событийные [5; 7].

Исследования по выявлению специфических черт сверхтекста на примере петербургского текста начались в 70 – е годы XX века. Толчком для интенсивного развития теории сверхтекстов послужила работа В. Н. Топорова «Петербургский текст русской литературы» (2003).

Отмечено, что сверхтексты образуют в русской литературе и культуре определенный мифологический пласт, «воссоздание любого сверхтекста — это всегда в той или иной мере акт мифотворения» [9]. В трудах В.Н. Топорова термин «сверхтекст» используется в отношении Петербургского текста, где Петербургский текст определяется как «синтетический сверхтекст, с которым связываются высшие мысли и цели» [11]. Таким образом, единство Петербургского

текста в отличие от другого городского текста не исчерпывается историко-географической и культурной характеристиками города, а связано со сферой символического [11]. Сакральная структура является результатом синтеза природы и культуры, и именно благодаря этому – Петербург, «это не только результат победы культуры над природой, а воплощение их двоевластия, амбивалентной структуры Петербурга» [11]. Топоров называет также субстратные элементы Петербургского текста, относящиеся к природной (дождь, снег, наводнение, белые ночи, вода, однообразие местности и т.д.) материально – культурной (планировка, характер застройки, дома, улицы; голод; родина футбола, родина хулиганства), духовно-культурной (мифы и предания, памятники искусств, литературные произведения) сферам.

Петербургский текст следует отнести к «сбывшимся» актуальным сверхтекстам по классификации А. Г. Лошакова. Исследователь предлагает в качестве классифицирующего параметра сверхтекстов обозначить принцип усматриваемой целостности сверхтекста с учетом степени его известности среди носителей культуры, что позволяет обозначить 1) «сбывшиеся» – актуальные сверхтексты; 2) актуализированные сверхтексты, целостность которых является предметом рефлексии со стороны представителей так называемой «профилированной» группы реципиентов культуры, прежде всего специалистов-филологов, критиков; 3) потенциальные сверхтексты, еще не «сбывшиеся», актуализация которых всецело зависит от культурно-временного и субъективного факторов [5; 24].

Выявление Петербургского текста и вычленение его специфических черт позволило ряду исследователей говорить о других локальных сверхтекстах: провинциальных - Пермском (В. В. Абашеев), Крымском (А.П. Люсьи), Сибирском (В.И. Тюпа); европейских – Венецианском (С. Л. Константинова, Н. Е. Мендис), Флорентийском (М.П. Гребнева) и др.

К актуальным сверхтекстам представляется возможным отнести Пермский текст. Сюжет Пермского текста – саморефлексия в связи с «избранничеством» и «обреченностью», пограничностью места. Существует словарь пермского текста (Камский мост, звериный стиль и т.д.)

При характеристике Крымского текста важна параллель – оппозиция по отношению к Петербургскому тексту: «Петербургский текст был порожден петербургским мифом, Крымский текст — мифом Тавриды. Последний стал южным полюсом петербургского литературного мифа. Отраженная в литературе петербургская мифология... прямо или опосредованно оказалась одной из важнейших составляющих первичного языка крымского текста в процессе его рождения и генезиса» [6; 15].

Вместе с тем, выявление совокупности текстов, конституирующих конкретный локус, не является достаточным обоснованием для применения термина «сверхтекст». Так, неоднозначно воспринимается использование понятия Московский текст [7]. Хотя обнаруживается «некоторая общность в системе кодификации, но именно произведения, рисующие, казалось бы, единообразную Москву периода кризиса, ясно показывают, что этой общности явно недостает для того, чтобы можно было говорить о единой системе художественного языка и той степени связности субтекстов, которые вкупе только и позволяют признать в том или ином случае наличие в литературе вполне сформировавшегося сверхтекста» [9].

Таким образом, концепция В. Н. Топорова о Петербургском тексте как сверхтексте оказалась весьма продуктивной; исследование сверхтекстов находится на стыке литературоведения и лингвистики, а также философии, культурологии, психологии. Критерии выделения локальных сверхтекстов находятся в стадии разработки и уточнения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абашеев В. В. Пермский текст в русской культуре и литературе XX века. Автореф. дисс...докт. филол. наук. Пермь, 2000.

2. Гребнева М.П. Конфептосфера флорентийского мифа в русской словесности. Автореф. дисс...докт. филол. наук. Томск, 2009.
3. Константинова С. Л. «Итальянский текст» русской литературы XIX – XX вв. Псков, 2005.
4. Купина Н. А., Битенская Г. В. Сверхтекст и его разновидности // Человек — текст — культура : коллектив. моногр. / под ред. Н. А. Купиной, Т. В. Матвеевой. Екатеринбург, 2004.
5. Лошаков А. Г. Сверхтекст: семантика, прагматика, типология. Автореф. дисс...докт. филол. наук. Киров, 2008.
6. Люсый А. П. Крымский текст в русской литературе. СПб., 2003.
7. Москва и «московский текст» в русской культуре. Сб. статей / под ред. Г. С. Кнабе. М., 1998.
8. Меднис Н. Е. Венеция в русской литературе. Новосибирск, 1999. Доступно в режиме <http://rassvet.websib.ru/chapter.htm?no=19>
9. Меднис Н. Е. Сверхтексты в русской литературе. Доступно в режиме <http://rassvet.websib.ru/chapter.htm?no=35>
10. Сибирский текст в русской культуре. Сб. статей / под редакцией А. П. Казаркина. Томск, 2003.
11. Топоров В. Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» (Введение в тему) // Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М. 1995. Доступно в режиме http://philologos.narod.ru/ling/topor_piter.htm
12. Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы. СПб., 2003.
13. Тюпа В.И. Мифологема Сибири: К вопросу о «сибирском тексте» русской литературы // Сибирский филологический журнал. 2002 С. 27—35.

Вопрос А.В. Голоднова: Могут ли в одном конкретном тексте присутствовать несколько разных сверхтекстов?

Ответ Н.Л. Костаревой: Да, безусловно. В одном конкретном тексте могут пересекаться несколько сверхтекстов, присутствовать «осколки» разных сверхтекстов.

МАТВЕЕВА Н.А.

ОБРАЗОВАНИЕ И ВОСПИТАНИЕ В ЭТНОКУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ

Сегодня требуется серьезное переосмысление сложившихся представлений о личностном развитии этносов и их социальной динамике межэтнических взаимодействий. Обращение к этой теме должно быть положено в основу современного образования и воспитания, что, в свою очередь, даст позитивное развитие межэтническим процессам в нашем многонациональном, многокультурном, многоконфессиональном Российском государстве.

Заданная тема «Образование и воспитание в этнокультурном контексте» позволяет рассмотреть понятия «культура» и «этнокультура». Необходимо сразу отметить, что трудно дать универсальное, всеобъемлющее определение сущностного феномена (явления) культуры. То же следует сказать и об «этнической культуре», которую можно понимать и толковать по-разному, поскольку она проявляется и реализуется различным образом. Как известно, феномен культуры вообще имеет множество определений. Некоторые специалисты насчитывают их до нескольких сотен. Наиболее актуальными, при рассмотрении нашей темы, следует отметить, прежде всего, следующие аспекты (точки зрения), отражающие феномен культуры:

- 1.Ценностный (аксиологический);
- 2.Символический (культура — система символов);
- 3.Организационный;
- 4.Деятельностный.

Следует отметить, что принятое определение «этничность» — это, главным образом культура этноса, именно ею определяются «границы» этноса, отличия каждого из них от других. Перейдем к рассмотрению этих аспектов.

Аксиологический аспект дает возможность сопоставить этносы с позиций доминирующих, приоритетных или наиболее укорененных, устойчивых ценностей в их культуре (это первое), определить наличие отличительных ценностей и норм данного этноса (это второе), определить своеобразие существующих «скрепов» их особенностей «сцепления», структуру и взаимосвязь этих ценностных элементов в культуре конкретного этноса.

Символический аспект позволяет увидеть уникальность восприятия каждым этносом окружающего мира, Природы и Космоса и соответственно своеобразие его мышления и чувственной сферы.

Организационный аспект обнаруживает специфику устройства коллективной жизни этноса в экономической, политико-правовой и бытовой сфере.

Деятельностный аспект ориентирует на изучение поведенческой стороны этнической культуры и связан, в частности, с таким понятием, как характер нации в системе общей культуры, который проявляется в способе поведения, особенностях поступков типичных представителей конкретного этноса. Следует отметить, что эти аспекты культуры — аксиологический, символический, организационный и деятельностный между собой тесно взаимосвязаны.

Таким образом, необходимо отметить, что базовые представления о мире и верования этноса (символический аспект) реализуются и отражаются в укладе его жизни (организационный аспект) и в конечном итоге оформляются в определенную ценностно-нормативную систему - со своими приоритетами и своеобразными связями между отдельными ценностными ориентирами (аксиологический аспект), а образ жизни и система ценностей в свою очередь обуславливают формы поведения и способы деятельности членов этнической группы (деятельностный аспект). Однако следует дополнить, что типичные формы поведения и способы деятельности служат подкреплением и опорой господствующим в этнической группе представлениям и верованиям.

Обратимся к понятию «текст». Слово Текст происходит от латинского *textum*, что означает «связь, соединение», а также всякая записанная или напечатанная речь. (Школьный словарь иностранных слов. - М., 1983.).

В лингвистике термин «текст» используется в широком значении, включая и образцы устной речи. Текст определяется как динамическая единица высшего порядка, как речевое произведение, обладающие признаками связности и цельности - в информационном, структурном и коммуникативном плане. Многоаспектность самого феномена текста диктует и многоаспектность его характеристики.

Блестящий исследователь русской культуры Юрий Михайлович Лотман утверждает, что для человека повседневная жизнь – категория историко-психологическая, знаковая система, то есть своего рода Текст. В своих работах он учит читать и понимать этот текст, где бытовое и бытийное - неразделимы. Ю.М. Лотман допускает, что культура (значит и этнокультура) может

рассматриваться как Текст: «Культура в целом может рассматриваться как Текст. Однако исключительно важно подчеркнуть, что это сложно устроенный Текст, распадающийся на иерархию «Текстов в Текстах» и образующий сложные переплетения Текстов. Поскольку само слово «Текст» включает в себя этимологию переплетения, мы можем сказать, что таким толкованием мы возвращаем понятию «Текст» его исходное значение (связь, соединение)». (Ю.Лотман «Текст в тексте» 1981г. — В кн. Ю.Лотман «Об искусстве» СПб., 1998г., 423-436 стр.).

(«Этимология» от древнегреческого ἔτιμος — «истинный, правильный, верный», а также -λογία — «учение», «наука», то есть раздел лингвистики, изучающий происхождение слов).

Необходимо отметить, что Текст способен жить, только соприкасаясь с другим текстом (Контекстом). Только в точке этого контакта текстов образуется возможность приобщения данного Текста к диалогу с Контекстом.

Контекст (от лат contextus - сцепление, соединение, связь) - относительно законченный по смыслу отрывок текста или устной речи, в пределах которого наиболее точно и конкретно выявляется смысл и значение отдельного входящего в него слова, фразы, совокупности фраз. В данном случае, Контекст придает им добавочное значение, а также он может существенно изменить это основное значение слов и предложений. Поэтому в разных Контекстах слова и предложения могут приобретать различные значения.

Для рассмотрения темы «Текст и контекст» в русской этнокультуре примером станет традиционный народный праздник «Масленица», который остался в памяти народа (первоначально в устной форме, а затем в письменном и печатном слове). Праздник «Масленица» сохранился в памяти современного общества и полностью отвечает рассмотренным выше аспектам.

(Таким примером могут стать и менее сохранившиеся в памяти русского этноса праздники («Кострома», «Лето-Летние Русалии», «Овсень-Таусень»), а также весь свод двенадцатых Православных праздников).

В образовательном процессе на лекциях дисциплины «Этнопедагогика» студенты изучают особенности христианских и традиционных русских народных праздников. Чтобы осмыслить и понять значимость национальных традиций, сформированных масленичным циклом, необходимо рассмотреть, какие религиозные воззрения, чаяния, надежды помогали нашим предкам жить и трудиться в это сложное календарное время. Наши предки сопрягали этот очень трудный и холодный период времени с божественной Масленицей, ставшей в религиозном мировоззрении предков посредником между природной стихией и деятельностью человека. Масленица выступала в этот зимний период хранительницей человеческой жизни, а также непримиримой воительницей (она владела острым «серпичком») - с Коровьей смертью.

Справляли Масленицу в старину, славя Власьев день, отзываясь на доброе покровительство скотьего бога Волоса (Велеса). Из далекой древности дошли до нас поверья о Волосе, который помогал хозяйству земледельца и селянина крепнуть, не скудеть хлеву и закутку, где стояла скотинка, которая составляла достаток и экономическое благополучие семьи-рода. История указывает на тот факт, что деньги возникают у кочевых народов в результате первого крупного общественного разделения труда, выделения из массы варваров пастушеских племен, когда скот сделался главным предметом обмена. Срастание денежной формы стоимости с первобытной (скот) оставило глубокий след в первоначальных обозначениях денег как таковых и богатства вообще. Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить латинские и древнерусские названия денег. Латинское слово pecunia — деньги происходит от pecus — скот. В поэмах Гомера (VIII—VII вв. до н.э.) в качестве меры стоимости фигурирует бык. Золотые доспехи, например, стоили 100 быков. Счет скота велся по головам, и латинское слово caput —

голова - явилось основой современных слов «капитал», «капитализм». Слово «скот» обозначало понятия денег, имущества, богатства. Аналогично обозначались они у англосаксов—sceal, готов—skatts, в древненемецком языке — skat. На Руси «скоть» — это не только домашние животные, но и имущество, богатство, деньги. Казнохранилище называлось «скотышцей», а ее хранитель, казначей — «скотышник».

Чтобы благополучие не покидало семью, в период Новолетья 1-го, 2-го, 3-го марта-протальника, в так называемые Ярилины дни, когда с Масленицей открывался период Новолетья на Руси, необходимо было очень хорошо «умаслить бороду богу Волосу (Велесу). У Волоса — борода в масле. Пышки, блины пеклись в знак чествования Волоса.

Волос - популярное божество в славянской и древнерусской мифологии. Он не уступает Перуну в своей ритуальной, культовой значимости. В Новгороде идол Волоса стоял на Софийской стороне города. В Киеве князь Владимир после принятия христианства «Волоса, его же именовашу скотья бога, повеле в Почайну реку вresti». В Ростове идол Волоса был сокрушен лишь в XII в. Именем Волоса клялся Олег с дружиной при договоре с греками. К нему обращался Святослав: «Если же не соблюдем мы чего-либо из сказанного раньше, пусть я и те, кто со мною и подо мною, будем прокляты от бога, в которого веруем, - от Перуна и Волоса, бога скота...». Вместе с тем в славянской мифологии Волос рассматривался как противник громовержца Перуна, который преследует Волоса за похищенные у него стада, поражает прячущегося под дубом Волоса, рассекает на части и разбрасывает их в разные стороны, освобождает скот.

В древних религиозных воззрениях, когда преобладало охотничье хозяйство, прослеживается дуализм: божество Велес – (ведает лес, а лес представлялся древними людьми как волосы Матери-Земли), или Волос – (волохатость, волосатость, шерсть, богатство) связывался с Медведем, который являлся тотемным животным руссов – славян. Отображение значимости этого культового образа находится среди созвездий северного неба (латинское название - Ursa Maior – Большая Медведица, Ursa Minor – Малая Медведица). По мере одомашнивания диких зверей вполне вероятно, что Велес стал покровителем домашнего скота, не утратив своей связи с Медведем. Превращение Велеса в скотьего бога сопровождалось утверждением отношения к нему как к покровителю торговых слоев Руси, так как до средневековья слово «скот» означало не только домашних животных, но и вообще, богатство, имущество. Велес был некогда главным мифическим божеством в цикле годовых праздников, особенно в Масленицу и по окончании жатвы, когда в поле оставляли несколько хлебных злаков, которые называли «Велесовой бородкой». Название Бояна «Велесов внуче» в «Слове о полку Игореве» отражает древнюю связь культа Велеса с обрядовыми песнями и эпической поэзией, указывает на то, что Велес был покровителем культуры, искусства, знаний и воспитания.

Медведь представлен в мифах как хозяин нижнего мира, где он сам как «скотий бог» Велес. Для охраны скота вывешивали медвежью лапу, которая называлась «Скотий бог». Однако, Медведь, в отличие от покровителя скота Велеса, представал еще и «Коровьим врагом», насылая в хозяйские дворы Коровью смерть. В таком случае он воспринимался как двойник Лешего. Сохранились заговоры для стада коров одновременно и от Лешего, и от Медведя. Существуют рассказы о давней вражде Медведя и Лешего. Леший схватил Медведя за хвост, а когда тот рванулся, хвост остался в руках Лешего. Поэтому Медведь стал куцехвостым. Считалось, что Медведь является предком людей или сам произошел от человека. Некогда негостеприимные люди были прокляты прохожим стариком за свое равнодушие к нуждающимся и были обречены жить не в домах, а в берлогах. Отождествление Медведя с человеком объяснялось тем, что он может ходить на задних лапах, имеет сходные с человеком глаза, любит мёд (отсюда запретное название «мед ведающий»). Родство с человеком отражают его названия, которые встречаются в устном народном творчестве: отец, дед, дедушка, старик, дядя, отчим, мать, бабушка, лесовой человек, хозяин, владыка.

В феврале (сечене) хаживала в темноте от двора к двору Коровья Смерть, «сымала серпичек с головы» косила во хлеву скотинку. Глянет большуха (старшая хозяйка) поутру на свою корову, а у той бока «подведены», кости наружу выпирают, и не своим голосом скотина кричит. К сену-то корова-кормилица не тянется. Горем в избу входила весть о немочи коровы. А то и коза взвопит, будто режут ее острыми ножами, шерсть всклачивают, сама не своя животинка делается. А это все Коровья Смерть. Выгорчит пойло, понабросает в сено мышинных катышей, от которых сено-то нечистым духом изойдет.

Но люди верили, что есть бог Велес, который защитит скотинку от смерти и пришлет на русскую землю свою помощницу – Масленицу. Только Масленице дана такая божественная сила, чтобы побороть и от дворов отогнать Коровью Смерть. Для наших предков Масленица была воплощением плодородия – и вместе с тем зимы и смерти.

Первый день Масленицы называли в деревне «встречей». Деревня к деревне в гости ездили, показать себя. По стародавнему поверью, кто схоронится в своей избе — тот и двор свой схоронит. К первому дню «Масленицы» устраивались общие горы, качели, столы со сладкими яствами. Дети делали утром соломенную куклу (это поздний период) – Масленицу и наряжали её.

Второй день Масленицы называли «заигрыш». С утра девицы и молодницы были приглашены покататься на горах, поесть блинов. Молодые парни высматривали невест, а девушки поглядывали украдкой на суженых. Ряженые собирались по дворам ходить и уже пели ни свет ни заря:

Едет, едет Масленица!

Широкая Масленица!

Ты, бабонька, встречу выхоли, выходи!

По горенке Масленицу

Поводи, поводи!

По сенечкам, вот так! вот так!

По красным углам

Вот так! вот так!

А теперя, бабонька, , откупися,

На блины, на маслены — не скупися!

Ряженые «заигрывали» у изб, вызывали большух, старших по хозяйству бабонек, сойти с крыльца, позвать в избу Масленицу, поводить по избе.

Масленица могла быть и соломенным снопом, который по мере хаживания ряженных от двора ко двору «наряжался». Кое-где ряженые носили на длинной жерди голик (голый веник). Бабоньки выходили из своих дворов и повязывали на голые ветки тряпицы-скудицы.

О скуде что говорить. Скуда и нуждой тянет, и худобой к земле пригнетает. Так что каждая бабонька знала, что за скуда в избе завелась. Как бы наговаривая на тряпицу, они отнимала от себя, от мужа, от домочадцев душевные страхи и боли, а от своего дитя ночи беспокойные, или от скотины — болезни. Повязывая тряпицу-скудицу на одну из веток голика, бабонька должна была откупиться. Ведь ряженые были хранителями всех наговоренных и

собранных с деревни тряпиц-скудиц.

Рассмотрим пример как на тряпицу-скудицу заговаривали. Вот каким было слово крестьянское от чахлости чрева бабьего.

Свете Тихи!!

И ты, Мати Святая Богородица!

Пособите мне в нехитром бабьем деле.

Вытянула сила нечистая

три коренья из чрева Олены,

живые истока то.

Травила их сила нечистая

потами мытарными.

сокрушала серпичком смертным.

А я беру огонь

от живого дерева,

утворяю крест животворный.

Отсылаю я сухоты нечистые

за топучие земли,

за гнилые становья.

Там пусть они зыбятся,

катаньем изводятся.

А ко чреву Олены

позабудут пути.

Будьте мои слова

крепки да остры!

Сила нечистая, о, — минь!

Третий день Масленицы называли в деревне «лакомкой». Лакомилась блинами деревня. Сметану да масло да земляничное варенье на стол ставила большуха. А ряженые тем временем кликали у дворов:

А вы, люди. Масленицу состречайте!

Состречайте!

Да к себе-то Масленицу зазывайте!

Зазывайте!

Хвалились Масленицей хозяева. Непременно горшок с блинами брали, выходя из избы. Да с соседом встретившись, просили отведать блинка своего. В среду тещи приглашали своих зятьев к блинам, а для чествования любимого зятя созывали всех родных. Сохранились пословицы и поговорки: «Зять на двор – пирог на стол», «Придет зять, где сметанки взять?».

Четвертый день Масленицы - «широкий четверг». Возрождение солнечных дней славили наши предки. Будто бы знаком солнца поспел на угольях в печи и блин. А тем временем голик с тряпицами-скудицами был воткнут за деревней на пригорке. К нему могли принести из всякой избы худую солому. Ее вытрясали из матраца, на котором лежал больной человек. Приносили и рухлядь домашнюю, и лапти сношенные, сено, которым стирали пот с отелившейся в это время коровы. Этот день был **переломом**. Катались по улицам, выполняли разные обряды, творили кулачные бои. Возили на санях мужика с вином и калачами. Сходились в определенном месте пить пиво и петь песни.

Пятый день Масленицы — «тещины вечера». Зятя угощали тещ. А тем временем ребяташки, парни и девушки катались с гор, веселились. Горки поливали водой. В этот день зятя угощали блинами своих тещ, иногда и всю родню. Зять обязан был с вечера лично пригласить тещу.

Шестой день Масленицы — «золовкины посиделки». Молодые невестки принимали родных со стороны мужа. Что говорить — мир да лад не всегда между бабами царил. А тут праздник давал как бы предлог: сойтись душами, сговориться в житье-бытье. В этот день дети строили на реках, прудах и полях снежный городок с башнями и воротами, затем ватага разделялась пополам: одни охраняли городок, другие должны были силой взять его.

Напоследок отмечались проводы Масленицы. В день Прощеного воскресенья прощали друг другу все горькое и досадное, а с душ снимали обиды. В вечернее время зажигали Масленицу. Разгорался высокий костер, куда выкидывали всё старое и негодное. Христианство на Руси приняло Масленицу, хотя традиционно праздник сопровождался языческими обрядами. Надо отметить, что в церковном календаре многие недели имеют свои наименования: масленичная неделя называется – **мясопустная** (пустая мясом), неделя до мясопустной называется – **пестрая** (в ней чередуются постные и непостные дни), перед пестрой неделей стоит – **сплошная** (сплошь непостные дни). Проводы Масленицы и сожжение ее самой в виде соломенного чучела, одетого в женское платье, сопровождалось песнями и плясками. Такой обряд показан в пьесе-сказке А. Островского «Снегурочка».

Прощай, Масленица, пересмешница!

Тырь-тырь, монастырь!

Ты, лежи, лежи, старуха,

на осиновых дровах,

три полена в головах.

Долгие семь недель тянется Великий пост: Первая неделя – Чистоту во всяких делах соблюдают, Вторая неделя – Пора рукоделья, Третья неделя – Кисельная, Четвертая неделя – Средокрестье. Крестцы, Пятая неделя – Похвала Богородице, Шестая неделя – Вербная, Седьмая неделя – Страстная. Зима еще одета в снежную шубу и еще не уступает весне. Люди силой духа и воли выживали в этих условиях, опираясь на обычаи и традиции обряда. Обряд – это совокупность действий (установленных обычаем или ритуалом), в которых воплощаются религиозные представления, бытовые традиции. Рассматривая праздничный обряд «Масленицы», следует в первую очередь отметить его глубокую древность.

Праздники в русской этнокультуре прошлого составляли важную сторону общественной и семейной жизни. Прежде говорили: «Мы целый год трудимся для праздника». Праздник религиозным сознанием людей воспринимался как нечто священное, противоположное будням, т.е., повседневной жизни. Будни осмыслились как время, в которое человек должен заниматься мирскими делами, добывая хлеб насущный, праздник же воспринимался как время слияния и приобщения к божественным, сакральным ценностям семьи, рода, общины. Человек, прикасаясь к священным традициям прошлого, включаясь в них, привнося элементы современности, тем самым сохранял их для будущих потомков. В праздник люди должны были достигнуть особого психофизиологического состояния полноты жизни и мироощущения, а также чувства внутреннего единения друг с другом. Такое осознание праздника на бытовом уровне закреплялось в целом ряде правил, которые должен был усвоить человек как носитель русских общественных традиций.

Прежде, праздник считался обязательным для всех членов семьи, рода, общины. Однако с принятием христианства, позднее были установлены определенные нормы, когда дети, старики, калеки, старые девы, больные на праздник не допускались, так как одни еще не достигли возраста понимания сакральных ценностей, а другие находятся на грани между миром живых и миром мертвых, третьи не исполнили своего предназначения на земле – не вступили в брак. Следует отметить, что праздник «Масленица» до сегодняшнего дня сохранил народные традиции удалы, свободы народного духа, пронеся их сквозь глубину веков

Праздник предполагал также полную свободу от всякой работы. В такие дни запрещалось пахать, косить, убирать избу, колоть дрова, прясть, ткать и.т.п. Праздник обязывал людей нарядно одеваться, для разговора выбирать темы приятные, радостные, иначе вести себя: быть веселым, приветливым, гостеприимным. Характерной чертой праздника было многолюдье. В праздники жизнь каждой семьи наполнялась зваными и незваными гостями – нищими, странниками, богомольцами, каликами перехожими, вожаками с медведями, балаганщиками, раешниками (ящик с передвижными картинками, показ которых сопровождался различными комическими прибаутками), кукольниками, ярмарочными торговцами, коробейниками. Праздник воспринимался человеком как время преображения. К человеку, нарушившему правила праздничного дня, применялись жесткие меры: денежный штраф, битье плетью, изгнание из общины. В русской этнокультуре все праздники выстраиваются в единую многоступенчатую последовательность. Они справлялись из года в год, из века в век в определенном порядке, установленном традицией. Среди главных праздников, обладающих сакральной силой, русский народ выделял Масленицу, которая не была первоначально связана с церковной традицией. Таким образом, в народной традиции Масленица - это семейно-родовой, общинный праздник, самый веселый и разгульный в году. Это праздник Новолетья (Нового года). **Его главное отличие заключается в том, что он был предназначен для всех: для старых и больных, для детей, для мужчин и женщин, для парней и девушек.**

Однако главными действующими лицами Масленицы являлись: женщина-мать, хранительница семьи и рода (текст обрядовых песен двух праздничных дней – это среда и пятница, указывают на главенство тёщи) и молодые женатые пары, которые и родителей поминали и непременно гостили у родителей жены. Именно отсюда и пошло выражение – «ездить к теще на блины». В среду зятя гостили у своих тещ, а в пятницу зятя устраивали «тещины вечерки». В русской этнокультуре существовала вера в то, что Масленицу нужно «потешать». Человек, отказавшийся её праздновать, будет жить, по поверью, «в горькой беде и худо кончит».

Традиционные увеселения «Масленицы» состояли из обильных трапез с блинами (символ солнца, красных дней, хороших урожаев, ладных и здоровых детей. Первый выпеченный блин клали на слуховое окошко «для душ предков»).

Зажигание костров у Масленичного колеса, или у чучела Масленицы указывает на религиозные представления наших предков об очищающей силе огня, который зажигается для того, чтобы отогнать от людей зло, неведомую и нечистую силу – спутников зимы, очиститься от грехов. Такой масленичный костер, имитирующий солнце, мог дать, по поверью, то, что дарило людям настоящее солнце – это тепло и производительную силу земле.

В традиции входило также праздничное катание на санках с ледяных гор детей, стариков молодежи, молодоженов, которое сопровождалось девичьим пением.

Во время кулачных боёв выявляли сильнейших. Ловкость и умение показывали те, кто достигал вершины столба. Чем выше столб, тем более ценный приз.

Кроме того проводились катания на лошадях, выявлявшие удаль, причём младенцы и старики, не выходявшие из дома, не принимали участия в них.

В традиции русского народа было стремление к примирению, к гармонии с окружающим миром, самим собой и своей семьей, что подтверждает пословица: «Худой мир лучше доброй ссоры». Обычно ритуал прощения начинался вечером, с закатом солнца. Прощения друг у друга просили родители и дети. На Масленицу в отчий дом приезжали замужние дочери с детьми, собирались сыновья с женами и детьми. Перед отъездом домой, все дети становились перед отцом и матерью на колени и говорили: «Прости меня, пожалуйста, буде в чем виноват перед тобой». Те же слова говорили и родители взрослым детям. Прощение заканчивалось низким поклоном и поцелуем – в знак окончательного примирения. У русского народа сохранилась традиция просить прощения в этот день не только у живых, но и у умерших родственников. Однако, русский человек, «широко гуляя», всегда помнил, что впереди пост: «Пируй и гуляй, баба, на Масленице, а про пост, вспоминай», «Маслена не навек дается», «Кому Маслена да сплошная, а нам Вербная да Страстная!». Эти поговорки указывают на то, что в этнокультурном сознании русского человека укоренилась традиция раскаиваться в содеянных грехах, а в душе «иметь веру Божию».

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондаренко Э.О. Праздники христианской Руси: /Русский народный православный календарь: Справ. Изд./ – Калининград, 1993.
2. Пашина О.А. Календарно-песенный цикл у восточных славян. – СПб., 2006.
3. Поцелуев В.А. Народный календарь. – М., 1991.
4. Рожнова П.К. Радоница. Русский народный календарь; Обряды; Обычаи; Травы; Обрядовые слова; Древо жизни. – М., 1997.
5. Русский праздник. Праздники и обряды народного земледельческого календаря. Иллюстрированная энциклопедия. – СПб., 2002.
6. Русское устное народное творчество. Хрестоматия. Составитель А.В. Кулагина. – М., 1996.
7. Терещенко А.В. История культуры русского народа. – М., 2006.
8. Шедевры русской живописи. – М., 2006.

РОГОЖНИКОВА В.Н.

СМЫСЛОВОЙ КОНТЕКСТ МИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

Читая любой специальный текст, мы стремимся понять его специфику, его смысл. Эту задачу существенно облегчает знание языка текста и языка предмета данного текста. Ключом к пониманию текста является слово как форма в его постоянном контакте со смысловым полем. Проблема понимания существует и для мистических текстов.

Под мистикой в данном случае мы понимаем религиозную практику, направленную на достижение непосредственного общения и единения с первоначалом (Богом, Божеством, Абсолютом, Ничто), выраженных в трансперсональном переживании [см.6]; это также «система теологических доктрин, ставящих своей задачей концептуализацию и регулирование этой практики» [4].

В данной статье речь пойдет о текстах, принадлежащих немецкой мистической традиции и охватывающих период с 13в. по 17в. Наиболее яркими представителями этой традиции являются Мейстер Экхарт (1260г. – 1328г.), Иоганн Таулер (1300г. – 1361г.) и Якоб Бёме (1575г. – 1624г.).

С философско-религиозной точки зрения язык источников немецкой мистики – Св. Писания, богословских сочинений отцов Западной и Восточной церкви, текстов греческих философов (преимущественно Аристотеля и неоплатоников) – был постепенно приведен к определенному терминологическому единству. В лингвистическом отношении философы и богословы позднего Средневековья имели дело с переводами с арамейского, греческого и арабского на латынь. Естественная формализация языка (латинского и богословского) и смысла в течение нескольких веков в условиях европейского христианства привела к появлению феномена схоластики. Не менее естественным было и обратное движение к возрождению первоначального смысла христианства, диктуемое внутренней потребностью людей, живущих не буквой, но духом. Это движение существовало и существует в разных формах, периодически усиливаясь; немецкая мистика представляет одну из таких форм обращения к истокам веры.

Развитию мистических учений способствовали и внешние причины. Так, после 1302г. Мейстер Экхарт был направлен читать проповеди бегинкам и беггардам². Это были простые люди, не знавшие латыни; в свою очередь, народный немецкий язык не был приспособлен для выражения сложных теологических понятий. Такова была среда возникновения первых проповедей и текстов на немецком языке; в этих проповедях Мейстеру Экхарту необходимо было выразить всю глубину собственного мистического испытания христианских истин. В подобных текстах (произнесенных и записанных), где сквозь форму, нередко изменяя или разрушая ее, прорывается дух, неудивительны формальные неточности, несовпадения с привычными формулировками, но ощутимо веяние живого смысла. Поэтому впоследствии у переводчиков проповедей Экхарта возникали трудности как лингвистического, так и богословско-понятийного характера; известно, что предъявленные Экхарту обвинения в ереси частично возникли из-за неясностей в текстах его проповедей.

Итак, мы можем отметить, что такому существенному в религиозной жизни народа событию, как возникновение проповедей на народном (немецком) языке способствовал дух свободы от буквализма и догмы схолистического богословия.

Иоганн Таулер продолжил дело Экхарта. Традиционность проповедей обоих мистиков ограничивалась ее формой (трактовка фраз Писания); в текст вставлялись ссылки на высказывания неких «мудрецов» (языческих философов); и наконец, и Экхарт, и Таулер прибегали к примерам, казалось бы не связанным напрямую с духовным содержанием христианства.

² «светские женские... и мужские... общежительные союзы, члены которых возлагали на себя ряд обетов... однако до минимума сводили свои контакты с официальной Церковью» [8;8].

Так, в проповеди «Отвержение я» Таулер трактует один эпизод из жизни Христа [Мф. 15,1], когда Он уходил от фарисеев и книжников «в страны Тирские и Сидонские» [7;200]. По Таулеру, это значит, что Христос уходил в «места теснения и гонений. Что за теснения и гонения имеются в виду? Это то, когда внутренний человек, желая приблизиться к Богу, где, собственно, и есть его подлинный дом, теснит и гонит туда внешнего человека» [7;200].

Этим примером мы хотим показать, что для мистиков в Библии не было «проходных», чисто функциональных слов. Цель мистиков – максимально наполнить слово как форму смыслом, духом. Поступая так, они часто создают, подобно поэтам, новые формы.

В этом контексте особенно интересен Якоб Бёме. Исследователи его творчества (например, Эрнст Бенц) не случайно находят в текстах «тевтонского философа» элементы теории языка. Это не формальная, но живая «теория», находящаяся в тесной связи с внутренней работой человека по освоению духовного опыта. И. Фокин пишет: «чтобы по-настоящему понять, к а к слово, употребляемое им /Бёме/, достигает «душевного» значения для обозначения, казалось бы, чисто эмпирических («телесных») явлений, «данных» в восприятии, этот внутренний процесс самого созерцания необходимо осуществлять одновременно в самом себе» [1; 12].

Такой подход к пониманию языка Якоба Бёме был также связан с сформировавшимся в начале XVII века новым взглядом на происхождение немецкого языка, включавшим в себя разработку проблемы взаимосвязи значения слова и его произношения (звучания) [см. 1; 12]. Истоки этих взглядов мы находим в текстах немецкого мистика. Так, например, в «Авроре, или Утренней заре в восхождении», а именно в главе о сотворении мира, Бёме, ссылаясь на немецкоязычный вариант Ветхого Завета («Вначале сотворил Бог небо и землю» [Быт. 1,1]), проводит аналогию между произношением немецких слов и «процессом» творения. «Истинный звук слова или произношение, то есть истинный дух слова» [1; 327] дает нам представление о создании мира и способствует познанию Бога. Бёме уточняет: нам не следует «думать, что Бог в то время /«время» сотворения мира/ говорил по-человечески, что это было лишь бессильное слово... Слово человека хотя и собирается таким же образом, в той же соразмерности, в том же качестве и тем же способом, но только полумертвый человек не понимает его: а это понимание весьма благородно и драгоценно, ибо оно рождается единственно лишь в познании Святого Духа.

«Слово же Бога, произнесенное Им в то время в силе, оно обнимает небо и землю, и небо всех небес, и даже все Божество» [1; 332]. Так, «в теологической герменевтике фундаментом понимания является слово, дух (душа) поселенный в слове, святой дух. Тот, кто обладает словом божьим, тот, кто в себе чувствует святой дух..., поймет смысл текста (Библии)» [2; 24]. То есть в данном случае «понимание подтверждается не внешними, трансцендентными инстанциями, а внутренними, имманентными (непосредственными) условиями» [2; 25]. Такое понимание «направлено не на элементы переживания и комплексы, а на целое, включает его в царство вышестоящих смыслов, из чего (в котором) понимание будет вновь восстановлением первичной данности. Отсюда становится ясным все, что относится к целому» [2; 31].

Если мы сопоставим эти слова с тем, что открывается нам в текстах Беме, то окажется, что, постигнув духовную суть слова, мы постигаем нечто большее, чем текст. Мы постигаем основы мироздания, собственную природу и Единого Бога.

Почему это возможно? Новый завет, как и Ветхий, написан человеческим языком; но человеческое слово происходит от божественного Слова (этимологический словарь: слово как смысл, дар речи – [см.5]). В человеческом слове мучительно ищет форму выражения божественная реальность. Поэтому издавна поэту и писателю (художнику слова) требовалось создавать своего рода новый язык, чтобы сполна выразить тот дух, которым «одержим» человек-творец. Мы полагаем, то же самое в высшей степени относится и к мистическому языку, откуда и трудность его понимания.

Мистики уловили исконное стремление человеческого слова вырваться за свои пределы, наполниться новым духовным смыслом.

Это стремление проявляется и в содержании мистических текстов. Мистики призывают душу покинуть всякую – даже богоданную – форму, дойти до Ничто, и там обрести источник всех форм – Бога. Стать тем Словом, которое Бог произносит от века. Такое слово действительно способно преобразить мир, обнажив его основу. Мы читаем об этом у Экхарта: «покуда /душа/ имеет Бога, познает Бога, знает о Боге, до тех пор она отлучена от Бога. Цель у Бога – уничтожиться в душе, чтобы и душа также потеряла себя. Ибо тому, что Бог называется "Богом", Он обязан тварному» [8; 192]. И Таулер: «Должна исчезнуть всякая двойственность, всякое противоречие между объектом и субъектом, всякая внешняя сущность» [7; 72].

Таким образом, используя свой духовный опыт, мистики привлекали внимание простых людей не к догматам веры, выраженным в богословских терминах, но к живому опыту общения души с Богом, к постижению природы человека и цели его пути. Решая эту задачу, мистики создали новое понимание слова. Они оживили богословские понятия, а вместе с ними и веру, уберегли ее от превращения в слова, в букву, в начертание и форму без смысла. С другой стороны, народный дух, искавший себе выражение как «часть» духа Божия, открыл в стихии своего, народного языка присутствие Бога.

Следовательно, понять тексты немецких мистиков через их контекст в данном случае означает – понять мистическую концепцию слова. Согласно этой концепции, в основе текста (письменного или устного) лежит слово как живой элемент речи, несущий и сочетающий в себе дух народа и Божий дух. Каждый человек (ибо все люди сотворены Богом) может пробудить в своей душе это слово (Слово) и так действительно стать человеком.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бёме Я. Аврора, или Утренняя заря в восхождении. – СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2008.

2. Брегадзе А. А. Специфический метод познания человека. Понимание // Перспективы человека в глобализирующемся мире. Под ред. Парцвания В. В. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2003.

3. Малахов В. А., Чайка Т. А. Метафизика исповеди. Пространство и время исповедального слова. Материалы международной конференции (Санкт-Петербург, 26-27 мая 1997г.). СПб.: Изд-во Института Человека РАН (СПб Отделение), 1997.

4. Новейший философский словарь. 3-е изд., исправл. – Мн.: Книжный Дом, 2003. – (Мир энциклопедий) / arion.ru/wiki/Mistika

5. . Семенов А. В. Этимологический словарь русского языка. Русский язык от А до Я. Изд-во «ЮНВЕС». М., 2003. <http://evartist.narod.ru>

6. Торчинов Е. Религии мира: опыт запредельного. СПб.: «Азбука-классика», «Петербургское Востоковедение», 2007.

7. Царство Божие внутри нас. Проповеди Иоханна Таулера / Пер., вступ.статья И. М. Прохоровой. – СПб.: Изд-во РХГИ, 2000.

8. Экхарт М. Духовные проповеди и рассуждения. – СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2008.

Вопрос А.П.Фомина к А.В. Голоднову: Является ли персуазивным воздействием проповеди Мейстера Экхарда?

Ответ А.В. Голоднова: Да, это классический пример персуазивного воздействия.

ФИЛИППОВА С.Г.

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ В СМЫСЛОВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Художественный текст обладает собственными особенностями, отличающими его от текста нехудожественного.

Во-первых, художественный текст является носителем идейно-эстетической информации, результатом эстетического освоения изображаемой действительности в соответствии с авторским замыслом [10; 16]. Поскольку эстетическое восприятие связано с индивидуальными особенностями психики человека, оно является процессом субъективным, но объективно обусловленным.

Во-вторых, особенностью художественного текста признается его смысловая открытость. Усложненная структура художественного текста, создаваемая из материала языка, позволяет передавать намного больший объем информации, чем средства элементарной собственно языковой структуры.

В-третьих, художественный текст обладает общественно-культурной значимостью. С позиций коммуникативной действительности он трактуется как «превращенный» речевой коммуникативный акт, т.е. как процесс, позволяющий коммуникации превращаться из индивидуального акта в общественно осознанный продукт [9; 38]. Являясь общественно осознанным продуктом, художественный текст выполняет функцию хранения национальной культуры.

В-четвертых, художественный текст – «результат творения» особого художественного мира. Если нехудожественные тексты основаны на реальных событиях реального мира, то предметный мир художественного текста не существует до возникновения этого текста, он появляется симультанно с возникновением текста [8; 4-8].

Наконец, художественный текст характеризуется абсолютной антропоцентричностью. В антропоцентрической структуре художественного текста, включающей три элемента – автора, персонажа и читателя, заложена квинтэссенция искусства: «Я» внутри себя и в отношениях с другими «Я». Сложность взаимоотношений «Я» с внешней средой отражается в сложности художественного мира литературного произведения и его эксплицитного лингвостилистического проявления – текста. Ведущим текстовым антропоцентром выступает автор. Он является объективированным субъектом в отличие от субъективированного объекта – персонажа, утверждение «чужого «Я» которого есть стремление автора [3].

Для представления автора в качестве модели личности, результатом речевой деятельности которой становится художественный текст, используется понятие «языковая личность автора».

Сущность понятия «языковая личность» формулируется Ю.Н. Карауловым следующим образом: «Языковой личностью можно называть совокупность способностей к созданию и восприятию речевых произведений (текстов), различающихся а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности и определённой целевой направленностью» [7; 245].

Понятие языковой личности глубже и насыщеннее понятия личности вообще. «Парадоксы личности вообще» своеобразно преломляются в языковой личности, которая в своей организации

имеет вневременные и временные, изменчивые, развивающиеся образования. Сочетание этих феноменов создаёт наполнение определённого уровня организации языковой личности [7; 37-43].

В исследованиях Ю.Н. Караулова языковая личность предстаёт как носитель национального языка и национальной культуры. Это обобщенный, совокупный образ языкового коллектива - лингводидактическая модель, т.е. носитель языка.

Языковую личность автора художественного текста характеризуют различные языковые черты - от фонетических свойств речи до длины и структуры предложения. Наиболее важными из них представляются выбор слов, объём словаря и оценка смысла сказанного другими.

Автор заявляет себя в своем произведении как читатель. Содержащиеся в тексте ссылки на прочитанное автором маркируют необходимую составляющую его языковой личности - «человека читающего», т. е. приобретающего знания при помощи других текстов. Выполняя одновременно функцию автора своего текста и читателя «чужих» текстов, автор на основании прочитанного формирует свою картину мира, с тем чтобы затем объективировать её в художественном тексте.

Переосмысленные и переоцененные знания «чужих» текстов составляют часть картины мира автора и вербализуются в его произведениях.

Тексты – богатейший и удобный источник знаний для человека. Из текстов человек получает «знания по описанию» по Б. Расселу, который противопоставляет два вида знаний – «знание по знакомству» («Мы говорим, что знакомы с чем-либо, если нам это непосредственно известно – без посредства умозаключений и без какого-либо знания суждений истины») и «знания по описанию» («Существование вещи, соответствующей описанию, выводится из существования других, знакомых мне вещей с помощью некоторых общих принципов») [цит. по: 15; 199]. Человеку, - заметил М. Горький устами одного из своих героев, - легче и удобнее думать о мыслях, чем о людях и фактах [цит. по: 7: 219]. В своей мыслительной деятельности он оперирует и отраженными им фактами и ранее сформулированными мыслями, однако, подлинная духовность связана с объектами второго рода – мыслями по поводу мыслей [7; 219].

Среди письменных текстов особую значимость в процессе текстопорождения и творчества имеют прецедентные тексты. Согласно Ю.Н. Караулову, прецедентные тексты - это «тексты, значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющие сверхличностный (хрестоматийный) характер» [7; 216]. Хрестоматийность и общеизвестность прецедентных текстов - в том, что все говорящие, так или иначе, знают о них, прочитав их сами или хотя бы понаслышке. Эмоциональная и познавательная значимость прецедентных текстов состоит в том, что, принадлежа к мировой и национальной культуре, они являются средством духовного развития человека. Сама культура иногда трактуется как «вместилище информации, система ее создания, хранения, использования и передачи, т.е. совокупность текстов» [1; 215].

Наиболее важным аспектом описания смысловой организации художественного текста является выявление индивидуально-личностного на фоне общенационального. Авторская индивидуальность демонстрируется способностью одних и тех же языковых выражений в разных художественных текстах репрезентировать различные смыслы. Индивидуальное сознание представлено системой личностных смыслов. В художественном тексте происходит намеренная, целенаправленная акцентуация «личностного», «субъективного» начала. В выражении авторского личностного смысла заключена квинтэссенция художественного творчества, в том числе словесного. «Не личностное представление конвенционального смысла, - пишет В.А. Пищальникова, - а представление личностного смысла в конвенциональных языковых единицах составляет суть художественного текста» [11; 12, 42].

Формой упорядоченности (цельности и связности) художественного текста является иерархическая организация текстовых смыслов, структура которой изначально задается автором. С иерархической организацией текстовых смыслов тесно связано понятие доминанты,

восходящее к учению А.А. Ухтомского [12]. По мнению В.И. Шаховского, доминанту можно представить в виде яркой пульсирующей точки в поле человеческого сознания или идеи как центра возбуждения активности человека. Благодаря физиологической основе доминанты человек способен концентрироваться на чем-то, особенно для него важном [14; 154]. В процессе речевой деятельности человек всегда опирается на доминанту.

В художественном тексте актуализированные личностные смыслы организуются иерархически, что позволяет выделять доминантный личностный смысл. Доминантные личностные смыслы – это инвариантные смыслы, выражающие мнения и знания автора о реалиях действительности, «смысловые универсалии авторской картины мира» [11; 12,41].

Поиски доминантных личностных смыслов находятся в основе анализа художественного текста. Очевидно, полный анализ должен включить в себя описание семантики всех языковых элементов текста, т.к. все элементы текста эстетически значимы и несут в себе концептуальную информацию. Выделяются три степени эстетической значимости элементов текста: минимальная (без приращений смысла), средняя (с дополнительными оттенками значений) и максимальная (существенные изменения семантики текстовых элементов) [5; 18]. Наибольшая степень семантической трансформации, таким образом, отражает наибольшую степень индивидуализации значений и формирует авторские личностные смыслы.

Понимание смысла текста как сложного знака определяется троичностью его отношений: с адресантом, который его выражает, с адресатом, который его принимает, и с предметами и их положением, которые он обозначает (Бюллер) [цит. по: 16; 69-71]. По мнению Э. Косериу, для смысла текста, помимо упомянутых отношений, конститутивными являются также следующие понятия:

- соотношени
я с другими знаками текста, которые включают в себя соотношения с отдельными знаками, группами знаков и с категориями знака, а также соотношения со всеми системами знаков;
- соотношени
я со знаками других текстов;
- соотношени
я между знаком и предметами;
- соотношени
я между знаком и знаниями о предметах.

Говоря об отношениях знака со знаками других текстов, Э. Косериу подразумевает тексты, которые имеют «историю и принадлежат к языковой и культурной традиции языковой общности» [16; 69-122]. Речь идет о том, что, в смысловую организацию текста встраиваются интертекстуальные смыслы, актуализирующие знания о прецедентных текстах.

Сложный феномен интертекстуальности привлекает внимание ученых из разных областей, выступая предметом традиционных научных дискуссий и стимулируя зарождение новых идей. Под термином «интертекстуальность» понимают межтекстовые связи, в результате которых формируются новые смыслы текста, включение в текст других текстов с иным субъектом речи – «чужого слова».

Теория интертекстуальности основывается на идее М.М. Бахтина о диалогическом характере художественного текста и шире – диалогическом характере человеческого понимания.

Следует заметить, что еще до Бахтина А.Н. Веселовский в своей «поэтике сюжетов» указывал на схематичность сюжетов и устойчивость мотивов в процессе исторического развития литературы. Повторяемость и общность мотивов и сюжетов объяснялись единством психологических процессов человека и историческими влияниями народов друг на друга [2; 300]. Однако термин «интертекстуальность» был предложен одним из ведущих теоретиков

постструктурализма Ю. Кристевой только в 1967 г. В качестве ключевого понятия философии постмодернизма интертекстуальность определяет не только специфику существования литературы и метод анализа литературного текста, но и особенности мироощущения человека [6; 216, 269-270].

Многообразие видов интертекстуальности, зафиксированных в различных классификациях, связано, с одной стороны, со сложностью этого явления, с другой – с отсутствием единой теории интертекстуальности. Иногда в понятие интертекстуальности включаются такие виды как метатекстуальность (существование вторичных жанров/текстов), паратекстуальность (отношение текста к заглавию), гипертекстуальность (многомерность интертекстуальных связей или многомерная электронная сеть), архитекстуальность (межжанровое варьирование).

Интертекстуальность как соприсутствие в тексте других текстов с иным субъектом речи именуется ими по-разному: «собственно интертекстуальность», «внешняя интертекстуальность», «интекстуальность», «интерсубъектная интертекстуальность».

Вариативность подходов к изучению интертекстуальности во многом обусловлена различием направлений в исследовании текста. В целом, можно сказать, что основные две трактовки интертекстуальности (широкая и узкая) различаются тем, что первая признает интертекстуальность свойством любого текста, а вторая – характеристикой некоторых текстов. При широком подходе цитирование неизбежно, хочет этого автор или нет, при узком – автор намеренно тематизирует интертекстуальные связи, делая его заметным для читателя.

Исследование интертекстуальности во втором случае предполагает выявление конкретных вербализованных следов присутствия других текстов в тексте – интертекстуальных включений, которые также именуется «интекстами», «интертекстуальными знаками» или «аллюзивными единицами».

По мнению В.Е. Чернявской, в «узкой» (лингвистической) концепции интертекстуальности появляется операционный потенциал и прикладная ценность этого явления. В таком понимании интертекстуальность сводится к намеренно маркированной интертекстуальности и предполагает осознанность включения «чужого» в свой текст [13; 15].

Интертекстуальные включения несут особую смысловую нагрузку в художественном тексте, т.к. находятся на пересечении «горизонтальных» (синтагматических) и «вертикальных» (парадигматических) текстовых отношений. Эти вертикальные отношения иногда именуется «вертикальным контекстом» [4], под которым понимается способность единицы текста вызывать дополнительные ассоциации.

Выбор автором определённого набора прецедентных текстов для осуществления своего художественного замысла лимитирован и ведётся по тематической линии. В словесном искусстве, таким образом, всегда существует тематический параллелизм. Параллелизм тем, создаваемых интертекстуальными включениями, не является совпадением, т.к. суть интертекстуальности заключается в схожести и различии между смысловыми комплексами двух текстов.

Как и любой текстовый фрагмент, интертекстуальное включение может репрезентировать доминантный личностный смысл, если представляет собой:

1. заглавие текста и/или связано лексически с заглавием текста;

2. тематический фрагмент, если наблюдается параллелизм тем текста-реципиента и прецедентного текста (например, сюжетное сходство);
3. частотный, повторяющийся, сквозной фрагмент;

Приведем примеры формирования доминантных личностных смыслов, которые следует считать интертекстуальными.

В романе Джона Фаулза «Маг» [18] доминантный смысл формируется интертекстуальным включением *Prospero* (Просперо), источником которого является пьеса «Буря» У. Шекспира. Шекспировский Просперо – волшебник, которому представляется случай заманить на остров своих обидчиков, наказать их и вернуть свое имя и статус. Фаулз сравнивает с Просперо своего героя Мориса Кончиса – «мистического» мага, знакомство с которым главного героя Николаса Урфе становится откровением жизни и взглядов последнего. *Prospero* в романе «Маг» – повторяющаяся лексическая единица, коррелирующая с заглавием в качестве синонима.

Тематический параллелизм прецедентного текста и текста-реципиента прослеживается в выборе места действия произведений. Место действия «Бури» – отдаленный безлюдный остров, которым владеет Просперо. Игра, в которую вовлечен Николас Урфе – главный герой Фаулза – разворачивается на греческом острове Фраксос. Параллелизм проявляется в теме восстановления справедливости. В «Буре» Просперо возвращает себе свой законный титул и наказывает узурпатора, в «Маге» – Урфе возвращается к несправедливо брошенной им возлюбленной. Параллелизм наблюдается и в теме абсолютного контроля персонажем происходящих событий. Морис Кончис, главный режиссер происходящих с Урфе театрализованных ситуаций, производит впечатление волшебника, Просперо при помощи волшебства устраивает бурю, заманивая, таким образом, своих врагов на остров, где и разоблачает их. Оба «мага» стремятся к справедливости.

По мнению Фаулза, человек проходит испытания, связанные с риском, чтобы найти и понять самого себя, свое предназначение. Этот личностный доминантный смысл в романе «Маг» интертекстуален и представлен именем шекспировского волшебника.

В другом известном романе Фаулза «Коллекционер» [17] интертекстуальное включение *Caliban* формирует доминантный смысл в силу частотности, повторяемости и отношений окказиональной синонимии с заглавием романа. Источник интертекстуального включения – та же Шекспировская «Буря», одним из персонажей которой является Калибан, дикарь, сын злой ведьмы. Несмотря на внешнее подобие человеку, он подвластен примитивным инстинктам и готов совершить жестокое убийство.

Содержательное сходство «Бури» и романа Фаулза «Коллекционер» является тематическим. Тематический параллелизм прослеживается в изолированности места пребывания героев двух произведений. Действие «Бури» происходит, как уже упоминалось, на далеком острове. Действие «Коллекционера» разворачивается в отдаленном загородном доме. Шекспировские Просперо и Миранда живут в келье (*cell*). Остаток жизни Миранды Фаулза проходит в подвале (*cellar*). Тот же параллелизм наблюдается и в судьбах Калибана и Клегла-коллекционера (оба рано остались без родителей), и в отношениях между главными героями – шекспировская Миранда так же ненавидит и боится Калибана, как Фаулзовская – Клегла.

Доминантный интертекстуальный смысл, реализуемый именем Шекспировского дикаря, понимается как угроза господства Калибанов. Фаулзовский Калибан-Клегл в отличие от шекспировского дикаря – не монстр–одиночка, он представляет большинство, населяющее современную Англию. Для описания этого «большинства» автор использует деривативы от существительного *Caliban*: *Calibanity* (калибанство, качество, присущее Калибанам), *Calibanese* (калибанский язык). Калибанство глобализируется, приобретает всемирный, универсальный характер. Деструктивное начало калибанства в романе «Коллекционер» противопоставляется созидательному творчеству, которое поставлено под угрозу уничтожения.

Еще одним примером формирования доминантного личностного смысла при помощи интертекстуальных включений может служить роман Айрис Мердок «Черный принц» [20]. В романе наблюдается частотная, повторяющаяся аллюзия на Шекспировского Гамлета (*Hamlet*), синонимичные отношения которой с заглавием романа очевидны, так как традиционно театральные постановки изображают Гамлета в черной одежде («черный принц»).

Главный герой романа Брэдли Пирсон влюбляется в молодую Джулиан Баффин, дочь своего старого друга, узнав, что она играла роль Гамлета в школьном спектакле. На Джулиан-Гамлете традиционно был надет черный костюм. С этим образом «черного принца» к Пирсону приходит любовь.

Интертекстуальное включение *Hamlet* определяет параллелизм тем двух произведений («*Hamlet*» и «*The Black Prince*»), которые можно интерпретировать следующим образом: «поиски смысла жизни на фоне убийства и отвергнутой любви».

Однако в отличие от шекспировского героя Пирсон обнаруживает смысл жизни не в поиске справедливого возмездия, а в поиске творческого вдохновения. В то же время Пирсону хочется видеть в Гамлете и себя самого. Датский принц – символ печали и душевных терзаний. Он разочаровывается в людях, которых любил, ощущает присутствие смерти. Черный цвет костюма Гамлета подчеркивает его страдания, ценой которых он достигает духовного возвышения. Те же страдания переживает и Пирсон, и, пройдя через них, создает себя как писателя. Гамлет – «черный принц» – предмет любви Пирсона: как физической (Джулиан – Гамлет), так и платонической (восхищение гением Шекспира – Гамлета).

В другом романе А. Мердок, «Алое и зеленое» [19], интертекстуальный доминантный смысл формируется библеизмом *Christ* – сквозной лексемой, контекстуально синонимичной именам героев романа. События, описываемые в романе «Алое и зеленое», происходят во время Пасхального восстания в Ирландии в 1916 г.

Тематический параллелизм библейского текста и романа Мердок прослеживается в целях и мотивах героев. События Пасхального восстания, героическая смерть повстанцев и память о них, оставшаяся в сердцах людей, схожи с пасхальными событиями смерти и бессмертия Христа, описанными евангелистами, с той жертвой, которую приносит мученик Христос во имя спасения человечества. Параллелизм наблюдается во времени и продолжительности событий. Приезд одного из главных героев Андрию Чейс-Уайта по времени (Вербное воскресенье – начало Пасхальной недели) совпадает с въездом Иисуса в Иерусалим, другой главный герой – патриот Пат Дюмэй погибает в конце пасхальной недели – время смерти Христа.

Интертекстуальные смыслы, реализуемые в романе, актуализируют проблему оправданности жертвоприношения во имя высоких идей. Мердок сравнивает жертву повстанцев с жертвой Христа. Несмотря на безнадежность борьбы за независимость Ирландии, жертва повстанцев, по мнению автора, не напрасна и навсегда останется в памяти людей.

Итак, в сложную смысловую организацию художественного текста могут включаться интертекстуальные смыслы, формируемые синтагматическими и парадигматическими связями интертекстуальных включений. Интертекстуальные включения как и любой элемент художественного текста могут актуализировать доминантные личностные смыслы и, в этом случае, автор намеренно тематизирует свой диалог с автором прецедентного текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аспекты исследования картины мира / Под ред. проф. В.А. Пищальниковой и проф. А.А.Стриженко. Барнаул: Изд-во Алт. ГТУ, 2003
2. Веселовский А.Н. Историческая поэтика. М.: Высшая школа, 1989

3. Гончарова Е.А. Категории автор – персонаж и их лингвостилистическое выражение в структуре художественного текста (на материале немецкоязычной прозы). Автореф. дисс...докт. филол. наук. Л, 1989.
4. Гюббенет И.В. Основы филологической интерпретации литературно – художественного текста. М.: Изд-во МГУ, 1991
5. Загорская О.В. Эстетическая функция языка и эстетическая значимость слова в художественном тексте. Автореф. дисс... канд. филол. наук. Воронеж, 1977
6. Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М.: Интрада, 1996
7. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987
8. Кухаренко В.А. Интерпретация текста. М.: Просвещение, 1988
9. Молчанова Г.Г. Семантика художественного текста: имплицитивные аспекты коммуникации. Ташкент: ФАН, Ташк. гос. ун-тет, 1988
10. Новиков Л.А. Художественный текст и его анализ. М.: УРСС, 2003
11. Пищальникова В.А. Проблема смысла художественного текста (психолингвистический аспект). Новосибирск: Изд-во Новос. ун-та, 1992
12. Ухтомский А.А. Доминанта. М.: Наука, 1966
13. Чернявская В.Е. Интертекстуальность как текстообразующая категория в научной коммуникации. Автореф. дисс...докт. филол. наук. СПб, 2000
14. Шаховский В.И. Эмоционально-смысловая доминанта в естественной и художественной коммуникации // Язык и эмоции: личностные смыслы и доминанты в речевой деятельности. Сб. науч. трудов. ВГПУ. Волгоград: Центр, 2004
15. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира: модели пространства, времени и восприятия. М. Гнозис, 1994
16. Coseriu Eugenio. Textlinguistik. Tübingen, 1994
17. Fowles John. The Collector. New York: Dell Publishing, a division of Bantam Doubleday Dell Publishing Group, Inc., 1980
18. Fowles John. The Magus. New York: Dell Publishing, 1985
19. Murdoch Iris. The Red and the Green. Penguin Books. Middlesex, England: Richard Clay (The Chaucer Press) Ltd., 1976
20. Murdoch Iris. The Black Prince. Suffolk: Richard Clay Ltd., 1967

Вопрос А.П. Фомина: Можно ли назвать максимум интертекстуальности плагиатом?

Ответ С.Г. Филипповой: В принципе, да. Но следует ли говорить о плагиате в художественном тексте? Это скорее касается научного текста. В художественном тексте часто заимствуется тот или иной сюжет. Интертекстуальность как тематический параллелизм, аллюзии на другие тексты присутствуют везде. Но каждый художник имеет право на субъективное видение, собственную интерпретацию, «мысль по поводу мысли».

ПРОБЛЕМА КОНТЕКСТУЛЬНОСТИ В НАУКЕ, РЕЛИГИИ И ИСКУССТВЕ

«**Контекст** (от лат. contextus – сцепление, соединение, связь), относительно законченный по смыслу отрывок текста или речи, в пределах которого наиболее точно и конкретно выявляется смысл и значение отдельно входящего в него слова, фразы, совокупности фраз» [10;275]. Понятие *контекста*, таким образом, отсылает нас к понятию *целого* и к проблеме содержательного соотношения части и целого. Известно древнее искусство и теория истолкования текстов – *герменевтика* (от греческого ερμηνευω – разъясняю, истолковываю).

Но откуда появилась такая потребность – разъяснять и истолковывать то, что было когда-то написано кем-то? Разве тот, кто писал, специально что-то не договаривал, что-то зашифровывал? Или в том, что написано, есть еще что-то, кроме того, что написано? Оба утверждения верны, а поэтому любой текст имеет, по крайней мере, два контекстных поля: гносеологическое и социальное.

Происхождение *гносеологического* контекстного поля связано с ранним периодом развития **науки** – периодом протонауки, когда существовала традиция шифровки, кодирования знаний для затруднения проникновения профанов в тайну позитивных знаний жреческой науки [7]. В древней книге «Двенадцать ключей», посвященной алхимии, читаем следующее описание процесса очищения золота от примесей путем троекратного сплавления его с сурьмой: «Льва проглатывает голодный серый волк, которого затем сжигают на огне, после чего король освобождается. Если проделать это трижды, лев одолеет волка» [9]. Другой причиной такой «кодировки» текста было, конечно, отсутствие понятийного аппарата науки. Но факт деления людей на «посвященных» и «профанов» известен: *только посвященный, то есть обладающий знанием, понимает контекст текста*. Дальнейшее развитие гносеологического контекстуального поля связано с развитием науки, которая все более становится открытой и все менее «герметичной». В современной науке вопрос выявления контекста – это вопрос соотношения анализируемого текста с более обширным гносеологическим полем, каковым являются теории, концепции, доктрины, гипотезы, парадигмы и т.д. А сама проблема контекста трансформируется в проблему истины и знания.

Кризис язычества и появление христианства как его альтернативы все более выявляет *социальное* контекстное поле текстов, которое мы можем изучать и видеть в двух, часто взаимосвязанных, формах общественного сознания – **религиозном и художественном**.

Так, раннее христианство «глазами» неоплатоников увидело совершенно иной контекст платоновских текстов. Трансформация платонизма в неоплатонизм и, далее, в раннехристианскую теологию – прекрасный пример развития социального контекста в религии, когда по сути одно и то же начинает пониматься по-разному. Античное Единое, Благо чудесным образом превращается в Бога, Демиурга. Античный Логос, воспринимаемый нами лишь интеллигибельно, что есть процесс интеллектуального восхождения познающего индивида к всеобщим законам Бытия, в неоплатонизме познается уже в процессе эманации через свехумный экстаз, а у Блаженного Августина уже только «сердцем», верой и любовью.

У христианских (православных и католических) писателей и теологов герменевтика – это уже исключительно толкование Священного писания (Библии) в купе со Священным преданием и церковной традицией. Ни православные, ни католические писатели не допускают толкование Библии в отрыве от текстов отцов церкви и текстов современной церковной практики. В католичестве и православии субъектом-носителем контекста, то есть высших смыслов на земле является социум, общество, община. То же, даже в еще большей степени, можно сказать о

конфуцианстве, где вообще весь контекст социетарен, и даже сам индивид имеет значение только в контексте социума. Но даже и буддизм, не смотря на свой психологизм, в основе своей социетарен: вспомним, что мотивом Ситхартха Гаутамы, будущего Будды, было избавление от страдания в этом мире, а уход – это, как известно современным психологам, обратная зависимость от того, от чего уходишь. В решении проблемы контекстуальности религия вплоть до XVI века стоит на почве социетарности: *на земле субъектом-носителем контекста, смысла текстов является социум, община, а не индивид. Контекст – социетарный феномен.*

Ситуация в корне меняется в XVI веке с зарождением протестантизма, не только допускающего, но и прямо предписывающего персональное чтение и толкование Библии. В таком же индивидуалистическом ключе трактуется в протестантизме и принцип *ratio*: разум – это атрибут индивида, а не социума. Это коренным образом отразилось позже на искусстве.

В отличие от науки, где контекст всегда объективен, и религии, где контекст всегда социетарен (современный протестантизм – лишь исключение, подтверждающее правило), в **искусстве** как сфере художественного творчества на протяжении всего Нового времени мучительно шли поиски места и роли индивидуальности. В классической филологии, зародившейся в эпоху Возрождения, герменевтика еще выступает как искусство перевода античных текстов на язык живой, современной культуры. Но уже тогда прозвучала христианская идея богоуподобления в творчестве, которая стала основной темой русского экзистенциализма у Н.А.Бердяева. В Новое же время отчетливо звучат две традиции.

Социетарные коннотации в проблеме контекста мы встречаем у И.Г.Гердера [3], у которого язык как «дух народа», являясь контекстом конкретных текстов, сам есть феномен, находящийся в более широком контексте – контексте культуры. В философии эту позицию обобщил Г.В.Ф. Гегель [2], в философской системе которого само искусство является вовсе не вершиной, а только первой ступенью развития абсолютного духа. Второй ступенью является религия откровения, а третьей – философия. Так что не только тексты надо рассматривать в контексте всего художественного сознания (искусства), но и само художественное сознание надо рассматривать в более широком контексте развития духа, духовной сферы. Горизонт рассмотрения проблемы был еще более расширен позже в марксизме, в рамках которого и вся духовная сфера рассматривалась в контексте экономико-социально-политического развития социума, то есть в контексте истории, понимаемой с материалистических позиций. Тем самым XX век подошел к системному осмыслению проблемы контекстуальности: *в рамках такого системного видения все имеет социетарный контекст.*

Индивидуалистические же коннотации в осмыслении проблемы контекстуальности мы встречаем впервые в немецком романтизме, где и была поставлена проблема герменевтики, то есть выявления контекста, как общефилософская проблема. При этом своеобразную двойственность мы встречаем практически у всех мыслителей этого направления вплоть до Гадамера. У раннего Фридриха Шлегеля [12] «идеальное разума» и «реальное универсума» – два полюса в картине мира. Универсум – социальный контекст, но его невозможно фиксировать в застывших понятиях науки, его можно только открывать и созерцать в символах искусства. Сознание – это индивидуальное воображение, созидающее символы искусства.

Протестантский теолог Фридрих Шлейермахер [13] усиливает индивидуалистическое начало: герменевтика мыслится как искусство понимания чужой индивидуальности, «другого». При этом предметом герменевтики является вовсе не содержание универсума, а *аспект выражения*, поскольку именно выражение есть воплощение индивидуальности. Отсюда его различение герменевтики от диалектики, позволяющей выявлять объективную логику, и от грамматики, которая вообще чужда индивидуальному и есть система общепринятых правил языка.

Тенденция поиска индивидуальности, далее, находит свое продолжение в рамках «философии жизни» и западноевропейского иррационализма. Вильгельм Дильтей [6] выдвигает метод понимания как непосредственного постижения некоторой духовной целостности, целостного переживания. А герменевтику он понимает как «искусство понимания письменно фиксированных жизненных проявлений». Принципиальная невозможность в этом случае понять «другого» заставляет Эдмунда Гуссерля [5] ввести понятие *интенциональности*, однако его понятия «жизненного мира», «нетематического горизонта» – это не что иное, как заменители понятия *социетарного контекста*. Не зря его ученик Мартин Хайдеггер [11] охарактеризовал реальность «жизненного мира» как *языковую реальность по преимуществу*. И Хайдеггер возвращает социетарности ее первичность, утверждая, что не мы говорим языком, а скорее язык «говорит нами». Но поскольку сугубо научный язык с его сухими либо неоднозначными (если речь идет о социальных науках) понятиями беден и не способен выразить тайну бытия, то выразителями тайны бытия становятся поэты, слово которых всегда объемно и имеет глубину.

Вершиной в этом направлении можно считать Ханса Георга Гадамера. Он пытается связать хайдеггеровскую субъективную герменевтику с гегелевской объективной логикой, стремясь, по его словам, «больше следовать Гегелю, чем Шлейермахеру». В свое время Гадамера заклеили индивидуалистом, интуитивистом и чуть ли не мистиком, и совершенно зря. Его «здравый смысл» (*sensus communis*) – это ментальность, менталитет, «единство общего разума» [1,66]; его «способность суждения» – это мораль, принятая система норм поведения, выражение «подлинной нравственно-гражданской солидарности»; его «вкус», который следует определить как «духовную способность к различению» – это этика и эстетика, рациональная рефлексия менталитета. И вся критика Гадамером Канта – это критика индивидуализма и релятивизма, которые присущи Канту как агностику, с социетарных позиций. Так, с помощью понятия «предрассудка» Гадамер пытается вернуть индивиду его значимость: «пред-рассудок» – это пред-рассуждение, это мировоззренческая установка, это преднайденный контекст. То есть – менталитет.

Работа Гадамера «Истина и метод» (1960) – это своеобразный (конечно, условный) рубеж. Социальные науки переживают в этот момент методологический кризис. Факт появления и распространения в 60-е годы в изобразительном искусстве *концептуализма* очень показателен. Искусствоведы склонны трактовать это как перемещение изобразительного искусства из сферы созерцания в сферу познания, мысли, науки. Концептуализм – это попытка искусства выйти на проблему социальных контекстов. Создается, однако, впечатление, что это устремление европейского искусства к смыслам (ибо социальные контексты – это исторически значимые смыслы, а не индивидуальные фантазии) было прервано начавшейся эпохой массовой культуры и постмодерна.

Принципиальная новизна ситуации заключается в том **появляется возможность достаточно эффективно управлять не только текстами, но и контекстами, а вместе с тем и самой социальной реальностью**. Отчасти мы затронули эту проблему на прошлом нашем семинаре «Модусы реальности» в той его части, где речь шла о медиареальности, поскольку эта новая возможность связана с новыми технологиями.

Собственно, попытка управлять контекстами уже была предпринята в первой половине XX века, когда новой технологией социального управления стала ПРОПАГАНДА. Остановимся лишь на одном примере использования искусства в пропагандистских целях. В кинематографе как самом массовом искусстве широко известен тренд – изображать жизнь и людей не такими, какими они являются на самом деле, а такими, какими мы хотим их видеть. Этот тренд удачно использовался как в СССР в рамках соцреализма, так и на Западе в виде голливудской продукции, которую мы по аналогии можем отнести к жанру капреализма: те же приемы, только ценности противоположны. Мы уже не говорим о трансляции социальных контекстов через кинематограф в немецком Рейхе. Но методы пропаганды очевидны, они лежат на поверхности,

поэтому пропаганде можно было противостоять, критически относиться к ней, дистанцироваться от нее.

МАСС-МЕДИА во второй половине века стали более успешной, с точки зрения эффективности управления, заменой пропаганде потому, что эта социальная технология действует скрытно на подсознание и инстинкты, а, стало быть, и на поведение большинства. Чисто теоретическая, культурная проблема контекста, таким образом, замещается совсем другой – политической проблемой: **кто и с какой целью формирует контексты**. Эта политическая проблема может осознаваться, а может и не осознаваться или даже сознательно замазываться, маскироваться. Проблема манипуляции сознанием уже стала дежурной проблемой на теоретических конференциях, а практика манипуляции оснащена научно разработанными технологиями. То есть, вопрос не в том, что кто-то плохой сегодня манипулирует сознанием, а кто-то хороший и пушистый – не манипулирует, не в том, что кто-то плохой конструирует контексты, а кто-то наивный и честный – не конструирует. Индивидуально от конструирования контекстов и от манипуляции сегодня можно спастись только уходом в скит на манер известного предпринимателя Стерлигова. Но в какой скит уйдет страна? Для страны вопрос стоит иначе: нельзя претендовать на лидерство, не формируя контексты.

Сегодня контексты формируются в медиареальности. Однако, дискурс-анализ медиареальности в современных исследованиях показывает, что «пока не знаем **целевой задачи**, не можем спроектировать методологию и обосновать необходимость разработки каждого отдельного алгоритма» [4]. Иначе говоря, невозможно формировать контексты, не решив проблему **стратегической цели развития страны**. А такая цель формулируется только в рамках идеологии. Аналитики отмечают, что граждане США сегодня столь же фанатично верят в идеалы демократии, как советские люди в 30-е годы верили в идеалы коммунизма. И это – результат сетевого управления контекстами. Правящая партия Китая в 1989 году на своем X съезде поставила задачу к 2000 году решить продовольственную задачу, к 2010 году – стать среднеразвитой страной, а к 2050 году – стать сверхдержавой. И все контексты формируются в этом направлении. Вспомним, что Китай контролирует свой интернет. Между тем в России такого единого проекта формирования контекстов нет как раз по причине отсутствия стратегической цели развития. Мы не знаем, куда идем.

Вывод: сегодня проблема контекста любого текста приобретает особое значение, связанное с практикой манипуляции сознанием и технологией массмедиа, откуда следует, что:

- а) если мы не видим контекста, то это не значит, что его нет; он есть;
- б) отрицание контекста – это тоже контекст, контекст постмодерна и массовой культуры;
- в) очевидно, что существует субъект, конструирующий сегодняшние контексты;
- г) очевидно, что одним из субъектов, хотя и не основным, конструирующим сегодняшние контексты, является совокупный сетевой субъект, то есть мы с вами;
- д) нереализованность наших (и индивидуальных, и страновых) контекстов в сетевом пространстве означает реализацию и победу чужих контекстов, не всегда дружественных нам, о чем, к сожалению, свидетельствует история России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. М., 1988.
2. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Том первый. Наука логики. Том второй. Философия природы. М., 1975.
3. Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. М., 1977.

4. Градосельская Г.В. Образ России в информационном пространстве страны, ближнего и дальнего зарубежья // Материалы пятой международной научно-практической конференции «Фундаментальные и прикладные проблемы геополитики, геоэкономики и международных отношений». СПб., 23-24 марта 2011г.
5. Гуссерль Э. Картезианские размышления. СПб., 2001.
6. Дильтей В. Сущность философии. М., 2001.
7. Иванов В.Г., Лезгина М.Л. Горизонты науки XXI века. Этюды философии науки. М., 2006.
8. РБК // Журнал №4. 2006.
9. Светберг Т. Материя, ее исследование в прошлом и настоящем. М., 1920.
10. Философский энциклопедический словарь. М., 1983.
11. Хайдеггер М. Бытие и время. М., 1997.
12. Шлегель Ф. Эстетика. Философия. Критика. М., 1983.
13. Шлейермахер Ф. Герменевтика. СПб., 2004.

Вопрос А.Л. Генкина, кандидата исторических наук, доцента кафедры гуманитарных дисциплин РГПУ им. А.И. Герцена: Если есть стратегическая задача, то всегда ли формируется контекст? Если так, то почему в СССР не были достигнуты результаты, хотя стратегическая задача была поставлена чётко?

Ответ А.П. Фомина: Цель - это идеальный результат. Если некоторый субъект, в данном случае страна, имеет стратегическую задачу, то она обязана формировать контекст. В СССР 70-х годов не было стратегии, осмысления и обратной связи, что и не позволило нам реализовать перспективы проекта.

Комментарий А.В. Голоднова: Чтобы планировать стратегию, нужно предполагать достигнутый результат. Коммунизм был тем результатом, который трудно было представить, так как никто не представлял и не понимал, что это.

БОЛОТИНА Ю.П.

СОХРАНЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРНОЙ СПЕЦИФИКИ В ТЕКСТЕ ПРЯМОЙ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

В настоящее время в лингвистике текст «обычно рассматривается как основное средство коммуникации» [5; 6]. В этой связи, в современной трактовке текста на первый план выдвигаются вопросы коммуникативного плана, задачи исследования условий «правильной», удачной коммуникации, обеспечивающей однозначное толкование единиц создаваемого текста. Текст является основным инструментом и в процессе межкультурной коммуникации. Обеспечение условий удачной коммуникации особенно актуально в рамках межкультурного общения, поскольку при этом, как считают Ю.А. Сорокин и И.Ю. Марковина, «тексту приходится встраиваться в новую парадигму: он оказывается элементом, принадлежащим одновременно двум системам – исходной культуре и культуре реципиента» [7; 76]. Иными словами, текст, созданный путем *внутреннего перевода*, принадлежит двум культурам: той, которую он описывает, и культуре автора и читателя данного текста.

Межкультурная коммуникация, фактически являет собой пересечение двух лингвокультур, и «вторжение языка в иноязычную культуру непременно сопровождается появлением в языке общения иноязычных элементов – *инолингвокультурного субстрата* (ИЛКС). Причем чем глубже проникновение языка в иноязычную культуру, тем разнообразнее виды ИЛКС» [3; 155].

Различные типы аутентичных текстов, посвященных описанию иноязычной культуры, представлены В.В. Кабакчи в статье «Билингвизм и межкультурная коммуникация» следующим образом: монографии, научные статьи, популярная русистика, публицистика, путевые заметки, художественная литература, деловое общение (СМИ, туризм), путеводители, речь гида, лекция, тексты радио и телевидения [3; 68].

Тексты языка вторичной культурной ориентации настолько своеобразны, что фактически открывают новое направление в лингвистике текста. Основной характеристикой таких текстов является их *гетерогенность*. Термин *гетерогенный* текст многозначен. Его употребляют, например, для обозначения неоднородности речевой ткани художественного текста, состоящего из четырех типов изложения: авторской речи, диалогической речи, внутренней речи, не собственно прямой речи. Тем не менее, мы, вслед за З.М. Тимофеевой, считаем, что применение данного термина вполне допустимо в отношении произведений двуязычного автора. По определению З.М. Тимофеевой, «англоязычный художественный текст, характеризующийся лингвокультурной гетерогенностью, то есть взаимодействием как минимум двух культур, что обусловлено интенцией писателя - билингва донести до адресата через систему создаваемых им персонажей и совокупность связанных с ними ситуаций специфические особенности своей родной культуры, рассматривается как гетерогенный художественный текст» [8; 63]. Данной характеристикой обладает не только художественный текст, созданный писателем-билингвом, но и любой англоязычный текст, направленный на описание внешней культуры.

В качестве наиболее типичного случая возникновения лингвокультурной гетерогенности как характеристики текста можно рассматривать проблему сохранения национальной специфики как отражения этнических, психологических, морально-нравственных типов или особенностей, переданных средствами второго (английского) языка. В определении особенностей исследуемого нами гетерогенного текста решающую роль играют три фактора: характеристика типа текста, языковые и личностные особенности автора, степень его знакомства с иноязычной культурой, а также предполагаемый адресат создаваемого текста.

В тексте любого типа встречаются «маркеры внешней культуры», то есть «слова и словосочетания, выполняющие функцию культурной ориентации текста» [2; 188]. Эти маркеры могут быть прямыми и косвенными. Прямые (эксплицитные) маркеры являются точным указанием описываемой внешней культуры (*Russian, Spanish, etc*). Косвенные (имплицитные маркеры) не являются непосредственным наименованием внешней культуры, но ассоциируются с ней. Как правило, это хорошо известные географические названия (*Moscow*), некоторые исторические и политические термины (*perestroika*), термины искусствоведения (*sots-art*), произведения литературы (*The Quiet Don*), денежные единицы (*rouble*) и т.д. Для текста любого типа характерна *локализация* (термин В.В. Кабакчи), то есть использование различных языковых приемов, направленных на передачу специфики описываемой внешней культуры.

Современный уровень развития лингвистики предполагает антропоцентрический подход к тексту, который основан на рассмотрении текста как продукта речевой деятельности человека. В отличие от сугубо лингвистического подхода антропоцентрический подход к тексту акцентирует внимание на языковой личности коммуникантов, их речевом взаимодействии и предполагает учет социальных, когнитивных, ситуативных и других факторов коммуникации. Важным фактором в этом случае является языковая личность - в исследованиях Ю.Н. Караулова - носитель национального языка и национальной культуры, это обобщенный, совокупный образ

языкового коллектива [4; 46]. При таком подходе к изучению текста решающая роль отводится автору (адресанту) и читателю (адресату) текста. Т.М. Дридзе в этой связи пишет: «Между реальной действительностью и текстом, ее отражающим, находится сознание языковой личности, как формулирующей, так и воспринимающей текст» [1; 182]. Автор строит текст, с одной стороны, исходя из собственных накопленных представлений о той или иной сфере действительности, с другой стороны, ориентируясь на гипотетического реципиента, также обладающего неким багажом знаний.

Такой подход представляется плодотворным при исследовании текста как единицы межкультурной коммуникации. По направленности на определенный тип адресата гетерогенные тексты можно разделить на тексты международной и внутренней адресации. Тексты, написанные носителями языка и ориентированные на читателя за пределами границ распространения данной культуры, как правило, характеризуются ограниченным числом прямых заимствований. Тексты, существующие в сфере туризма, адресованы иноязычному реципиенту. Как следствие и гид-переводчик, и автор путеводителя должны облечь устный или письменный текст в форму доступную для реципиентов, не обладающих знаниями, необходимыми для полноценного понимания сообщения. Текст, предназначенный туристам, построен на незнакомых для них лингвокультурных реалиях, поэтому требуется его прагматическая адаптация. В таких текстах наибольшее распространение получают такие способы ксенонимической номинации, как калькирование, использование описательных оборотов и аналогов, широко применяются все возможные способы графического выделения ксенонимов. Тексты, адресованные местным читателям (например, статьи в англоязычных газетах, издаваемых в России), по количеству ксенонимов и выбору ксенонимических номинаций могут быть самыми различными. Как правило, в таких текстах ведущим приемом ксенонимической номинации является заимствование, при этом часто отсутствует какое-либо графическое выделение ксенонимов в тексте и пояснение их значения. В конечном итоге, выбор того или иного способа ксенонимической номинации напрямую зависит от фактора адресата и автора аутентичного текста.

Индивидуальные особенности автора также определяют характер гетерогенного текста. Авторами аутентичных текстов, посвященных России, в основном, являются билингвы. Тексты, созданные билингвами, в определенном отношении отличаются от текстов, авторами которых являются монолингвы. Основной источник указанных различий состоит в том, что тексты, авторами которых являются носители двух (и более) языков, характеризуются лингвокультурной неоднородностью. Как показывает опыт межкультурного общения, именно эти авторы снабжают тексты достаточным количеством ксенонимов, по необходимости сопровождая их пояснениями в зависимости от вида текста и типа адресата. Тексты, принадлежащие авторам, пишущим на «русском английском» обнаруживают фундаментальные различия, обусловленные национальной традицией письма, традицией построения высказывания и *гиперкоррекцией* (педантичным следованием норме) или, так называемой, «языковой скованностью», то есть склонностью к использованию традиционных ассимилированных вариантов урбанонимов.

Авторы аутентичных текстов в разной степени знакомы с русским языком и русской культурой. Их картина мира сформировалась в значительной мере под влиянием первичной лингвокультуры и может искажаться стереотипами, существующими в первичной лингвокультуре. Как пишет В.В. Кабакчи, это закладывает возможность неадекватного описания иноязычной культуры, а в дальнейшем и неадекватного восприятия подобного текста адресатом, тем более что большинство из них являются монолингвами и слабо владеют реалиями описываемой культуры [3; 69].

Как считает В.В. Кабакчи «адекватное англоязычное описание русской культуры может осуществить лишь «идеальный билингв», в равной степени знакомый с обоими языками и культурами» [3; 71]. Как показывает практика, в аутентичных текстах могут встречаться ошибки

как следствие плохого знания автором языка описываемой культуры (например, русского) и самой культуры. В том числе это могут быть орфографические ошибки, ошибочная экспликация ксенонима, неверные сведения о реалиях описываемой культуры. Однако в целом, описание русской культуры носит довольно точный характер, так как в течение многих веков происходило взаимопроникновение культур, которое в последние десятилетия стало наиболее интенсивным.

Таким образом, использование языка и автором текста, и его получателем обусловлено прагматическими соображениями, которые проявляются «в форме лексических и стилистических селективных правил ... и являются не только правилами употребления, но и – с точки зрения воспринимающего – вариантами прочтения» [6; 196].

Итак, иноязычные элементы в тексте описания иноязычной культуры – это неотъемлемая черта *языка межкультурной коммуникации*. Использование различных ксенонимических вариантов, способов экспликации ксенонимов и локализации текста определяются стилистическими соображениями, видом текста, языковой личностью автора текста и ориентацией на определенного адресата. Все вышеуказанные средства служат цели максимально точной передачи национально-этнических особенностей описываемой культуры и доступности создаваемого описания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дридзе Т.М. Язык и социальная психология. - М.: Высшая школа, 1980
2. Кабакчи В.В. Основы англоязычной межкультурной коммуникации.- СПб, 1998
3. Кабакчи В.В. Билингвизм и межкультурная коммуникация//Сб. Проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков на рубеже века. Межвузовский сборник научно-методических статей. Вып. 8, Псков: 2008
4. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность.- М.: 2007
5. Мороховский А.Н. Некоторые основные понятия стилистики и лингвистики текста// Лингвистика текста и методика преподавания иностранных языков.- Киев: 1981
6. Нойберт А. Прагматические аспекты перевода// Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике.- М.: 1978
7. Сорокин Ю.А., Марковина И.Ю. Текст и его национально-культурная специфика// Текст и перевод.- М.: 1988
8. Тимофеева З.М. Лингвистические особенности гетерогенного художественного текста. (Языковые средства выражения русского национального колорита в англоязычной прозе В.В. Набокова): дисс. ... канд. фил. наук.- СПб.: 1995

УЧАСТНИКИ СЕМИНАРА

БОЛОТИНА Юлия Петровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Волховского филиала РГПУ им. А.И. Герцена

ГОЛОДНОВ Антон Владимирович - кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных дисциплин Выборгского филиала РГПУ им. А.И. Герцена

ДЕШЕУЛИНА Лариса Николаевна - кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Волховского филиала РГПУ им. А.И. Герцена

КОСТАРЕВА Наталья Леонидовна - кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Волховского филиала РГПУ им. А.И. Герцена

МАТВЕЕВА Надежда Александровна - кандидат педагогических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Волховского филиала РГПУ им. А.И. Герцена

РОГОЖНИКОВА Варвара Николаевна - кандидат философских наук, научный сотрудник кафедры мировой экономики экономического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова

ФИЛИППОВА Светлана Геннадьевна - кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков Волховского филиала РГПУ им. А.И. Герцена

ФОМИН Андрей Петрович – доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных дисциплин Волховского филиала РГПУ им. А.И. Герцена

ФРАЙМАН Василий Евгеньевич – аспирант, старший преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин Выборгского филиала РГПУ им. А.И. Герцена